

№5
Май 2010

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

*От Внешторгбанка к ВТБ.
Расширяя горизонты...*

Когда мы стремимся к намеченным целям, мы объединяем опыт, знания и силы, чтобы двигаться вперед и подняться на новую высоту.

9 банков в 8 странах СНГ и Европы.
Одно имя — ВТБ.

8 (800) 200-77-99
(звонок по России бесплатный)
(495) 739-77-99 (московский номер)

ОАО Внешторгбанк, Генеральная лицензия Банка России №1000

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Заместитель главного редактора
Арсен Еремян

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Донара Канделаки, Нина Зардалишвили

Художник-дизайнер
Иракий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Элбакидзе-Мачавариани, Алена
Деняга, Нино Цитланидзе

№5 (56)
Май 2010

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru

www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

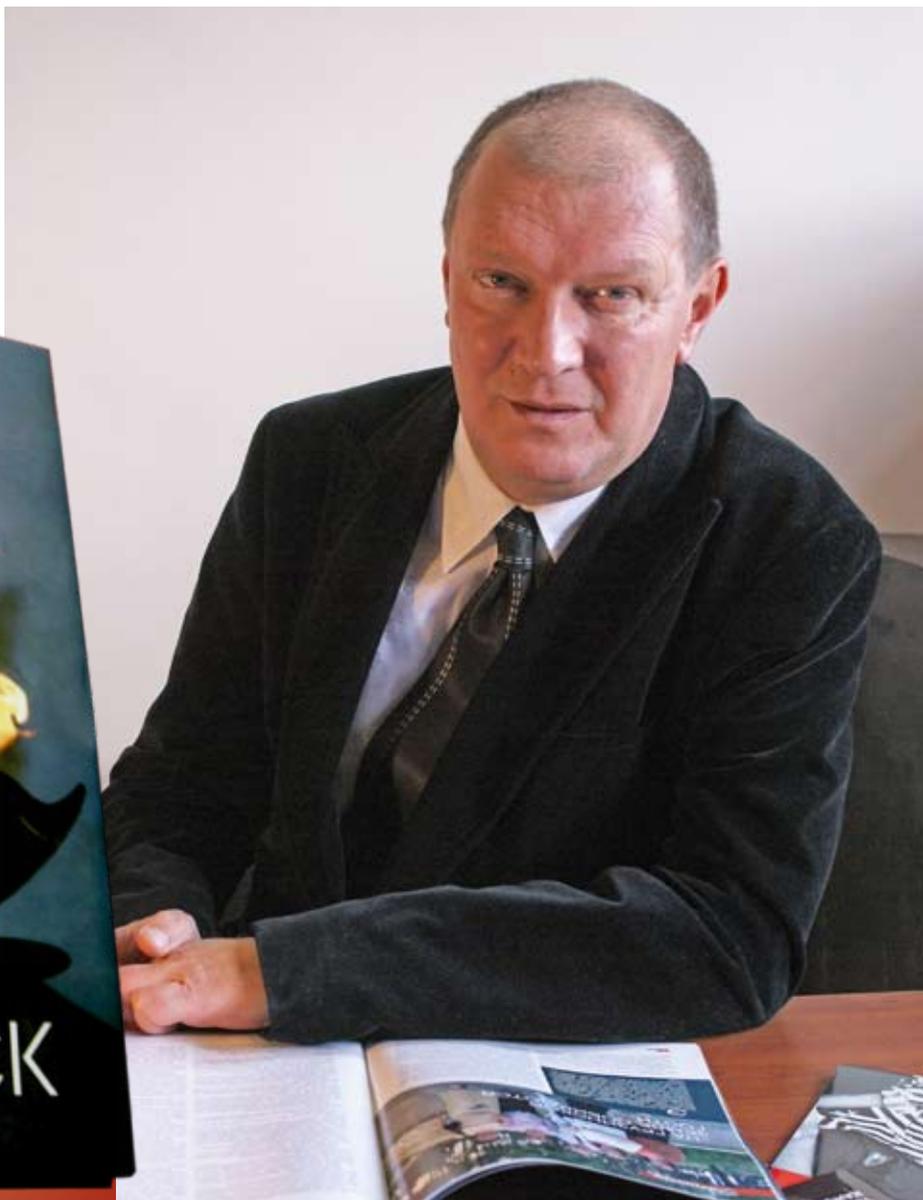
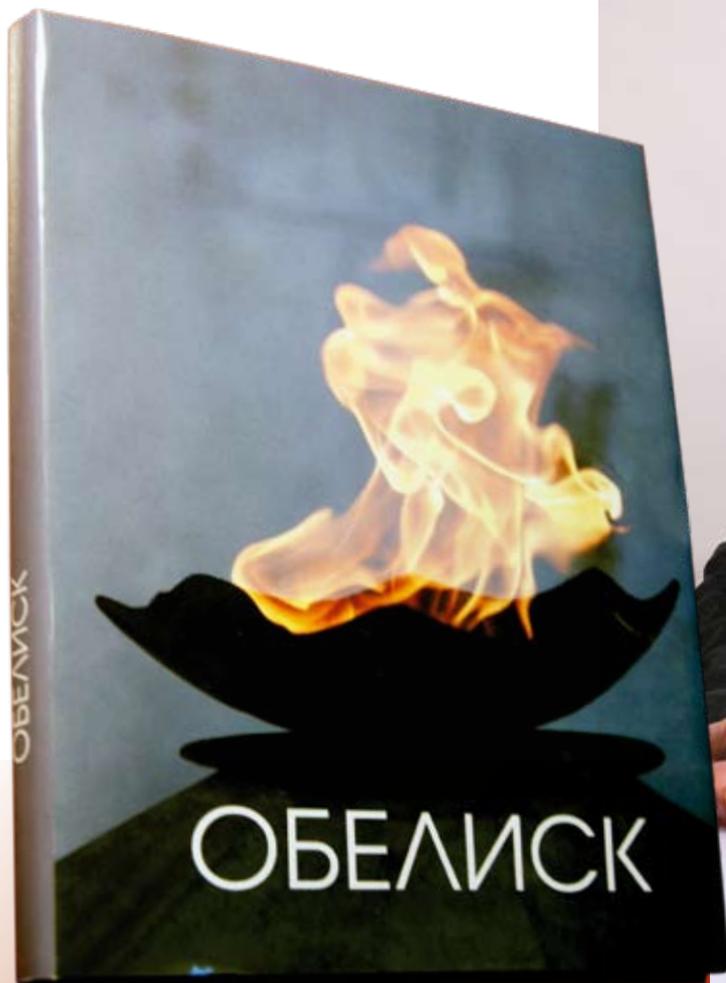
ПРЕЗЕНТАЦИЯ	БОЙ ВЕЛИ НЕ РАДИ СЛАВЫ	4
КИНОКЛУБ	ВЕЧНАЯ ЛОЗА ЖИЗНИ	6
ШЕДЕВР	СЧИТАЮ СЕБЯ СОЛДАТОМ	10
ЮБИЛЕЙ	«ТЮРЬМА— ИСТОК ПОБЕДЫ НАД ФАШИЗМОМ»	12
ЛЕНТА ПАМЯТИ	ДЕНЬ ПОБЕДЫ СРЕДИ ВОЙНЫ	16
ДЕНЬ ПОБЕДЫ	ГЕНЕРАЛ С ДУШОЙ ПОЭТА	20
ТВОРЧЕСТВО	ДОЛЬШЕ ВСЕГО ЖИВЕТ НАДЕЖДА	23
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ	БУДЕМ ЖИТЬ	29
О, СПОРТ!	ГВОЗДИ Б ДЕЛАТЬ ИЗ ЭТИХ ЛЮДЕЙ	32
ДЕНЬ ПОБЕДЫ	НИЧТО НЕ ЗАБЫТО	36
ПАЛИТРА	ЗНАК ОДИНОЧЕСТВА	39
ГОД УЧИТЕЛЯ	СЛОВО О НАСТАВНИКЕ	42
РУССКИЙ МИР	ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ ?	46
ИСТОРИЯ	НЕВЗОРВАННЫЕ МОСТЫ	50
БАЛЕТОМАН	КОРИФЕЮ ТАНЦА ПОСВЯЩАЕТСЯ	54

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»:

Зураб Абашидзе, Гита Лордкипанидзе, Роин Мегрели, Нани Брегалдзе, Джансуг Чарквиани, Гулбаг Торалдзе,
Важа Азарашвили, Отар Мегвинетухуцеди, Ирма Сохадзе, Гоги Кагаралдзе, Гуджа Бубутеишвили (*Грузия*),
Александр Эбаноидзе (*Россия*), Олег Воловик (*Венгрия*), Давид Маркш (*Израиль*), Валентина Поликанова
(*Белоруссия*), Алексей Цветков (*США*), граф Петр Череметев (*Франция*), Евгений Табачников (*Россия*),
князь Никита Лобанов-Ростовский (*Великобритания*), Михаил Багдасаров (*Армения*), Михаил Носов (*Россия*)

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

БОЙ ВЕЛИ НЕ РАДИ СЛАВЫ

Николай Свентицкий

самой трудной и свирепой, чтобы отшагав пол-Европы, пол-земли, расписаться на стенах рейхстага поверженной вражеской столицы, послать эту весточку бойца домой – туда, где его ждали, надеялись.

24-летний паренек Мирза Геловани из сванского села, надев солдатскую шинель, в последние дни июня сорок первого года, готовясь отправиться на передовую, писал из Харькова родителям и сестрам: «Верю: я рожден для величайших испытаний, и из войны, из этих разрушений, возвращусь вместе с победившей армией. Пройду все ураганы и вернусь. Я спокоен. Нет пули, которая меня убьет, мои корни в той стране, которую убивали, и она не погибала... И таких великих сердец никогда не было в мире, как у меня и у всех моих друзей... Я верю в победу и жизнь...» Через три года, в июле, поэт Геловани погиб на военном поле недалеко от Витебска. И спит вечным сном в белорусской земле, похоронен в братской могиле, не защитили его ни талисман – фотография матери, ни короткие, как вздох, весточки из дома.

Так же трагична судьба другого молодого поэта Владимира Убилава. Запомнился он спокойным, не-

В начале мая гремят частые грозы. Первый гром, первые весенние ливни. Но вспоминаются не тютчевские строки, а эхо войны – старый артиллерист, сутулый и неказистый, из стихотворения грузинского поэта Шота Акобия. Стоя под ливнем, на пробуждающемся поле, он, не отрываясь, глядел на небо, слушал орудия грома, видел то, что забыть нельзя, смертоносный град осколков и пуль, косящий его товарищей, все живое.

Шестьдесят пять лет отделяют нас от мая сорок пятого, к которому наш народ шел дорогами войны,

многословным, вежливым. Его любили все – и взрослые, и ровесники. Реваз Маргиани, сам фронтовик, вспоминал: «В последний раз я повстречался с Ладо случайно, на фронте, в Крыму, на подступах к Керчи, то было в феврале 1942 года. В небе пронеслись вражеские бомбардировщики. Наш грузовик стоял у развилки дорог. Мимо проехала машина с солдатами, и вдруг среди них я увидел Ладо. Но машина промчалась, не останавливаясь, мимо, а Ладо махал мне рукой и что-то кричал...» Таким запомнился другу молодости погибший поэт, оставивший после себя пришедшим им на смену поколениям одну-единственную небольшую книжку, в которой есть твердая вера в то, что «не рвать врагам тбилисских роз», и очарование весеннего утра – бело-розовый дым рассыпанной по плетням цветущей сирени, увиденной из траншеи и задыхающейся в разрывах тротила.

Эти строки торжествующей жизни на страшном шабаше смерти читатели найдут в книге, изданной Международным культурно-просветительским Союзом «Русский клуб», со страниц которой пахнет на них гарью сороковых пороховых годов, набатным призывом прозвучат слова знаменитого плаката «Родина-мать зовет!» грузинского художника Ираклия Тоидзе, плаката-воина. Он стучал в сердца пеплом сожженных городов и сел, звал взять оружие в руки, не знавшие до того затвора. И уходили в бессмертие полки защитников, чьи виски серебрил мороз ноябрьского парада сорок первого; как чеховские мальчики в Америку, убегали на фронт мальчишки, не находившие себе места дома, не успевшие повзрослеть...

Грузинская военная лирика в переводах русских поэтов (А.Ахматова, Б.Пастернак, М.Светлов, А.Тарковский, Н.Тихонов, П.Антокольский, Н.Заболоцкий, Д.Самойлов, Е.Евтушенко...) представлена в нашей книге (редакторы-составители Арсен Еремян и Эмзар Квитаишвили) 45 поэтами – разными по творческому почерку и судьбам. Есть среди них и поэты-академики, и скромные сотрудники армейских газет, и вернувшиеся с войны в университетские аудитории, как Булат Окуджава, и те, кто знал войну по сдаваемому экзамену по литературе.

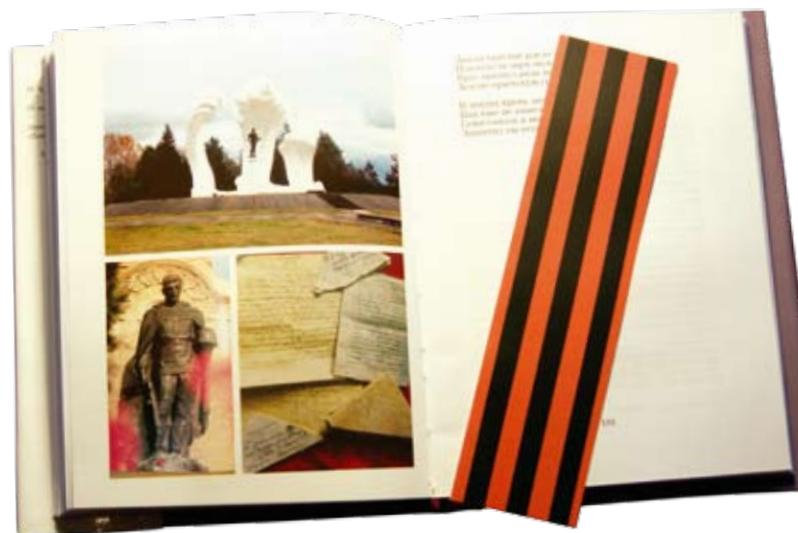
Мы не удержались и все-таки включили в сборник «Цабуню» классика грузинской литературы Константина Лордкипанидзе, трогательный рассказ о босоногой девчужке – она каждый раз выходит к прибытию санитарного вагона потийского поезда с одним вопросом-надеждой: «Вы в Керчи воевали, дяденька?» Где-то там, на дорогах войны затерялись следы отца – Валико Абуладзе.

Мы создали на этот скорбный сбор участников самой кровопролитной войны – живых и мертвых. Они незримо присутствуют на книжных страницах. И вновь продолжается бой. Не погибнет никогда капитан Бухаидзе – одноименное стихотворение Ираклия Абашидзе молнией облетело всю необъятную страну, стало народной песней. Умирает в Балкарском ущелье красноармеец Лешкашели из знаменитого стихотворения Симона Чиковани, не дождавшись перед смертью глотка воды, которую друг нес в ладонях. Не сотрет время на обелисках и мемориальных плитах строки стихов Мориса Поцхишвили «Ты не безымянный». Не забыта 15-летняя Иринэ Схиртладзе – героиня Джансуга Чарквиани погибла в Польше в борьбе с фашистами. Немногим ее старше была Тина

Иосебидзе – девочка в простой шинели – спасая под снарядами товарищей на переправе, она себя не уберегла. Бойцы саперного батальона Ираклия Цицишвили в скоротечные несколько суток построили, стоя в ледяной днепровской воде, два моста, по которым на выручку Киеву спешили танки и орудия. Младший сержант Мелитон Кантария и его друзья-однополчане, по-пластунски ползли по куполу рейхстага, ранив руки осколками стекла, торопясь водрузить победное знамя.

Маршрут большого ратного пути от Волги до Берлина четко обозначен в стихотворении великого грузинского поэта Галактиона Табидзе, назван неслыханным, былинным. Это – подвиги тех, кто по плечи вращая в землю, отстаивал каждую пядь страны – от Мтацминды до Смоленска, кто прошел сквозь огонь Сталинграда, кто насмерть стоял под Москвой, спас Киев и Минск и сквозь дым канонады добрался до седой Вислы, «кто тяжелой походкой солдата прошел по вершинам Карпат» (Г.Леонидзе).

И мы помним их поименно. За победу заплачено слишком большой ценой – в годы Великой Отечественной войны сражались около семисот тысяч сынов и дочерей Грузии, триста тысяч воинов не вернулись из боя. Вот почему мы посчитали своим долгом вспомнить советского воина-освободителя, вспомнить вечную славу и мгновенную смерть от жалящего металла тех, кто даже не вздрогнет, если крикнут все люди планеты. И низко склоняем голову перед теми, кто навсегда остался девятнадцатилетним.

Мы посчитали нашу книгу актуальной и востребованной самой правдой жизни именно сейчас, когда предпринимаются попытки ревизии, фальсификации истории, героизации нацистских пособников.

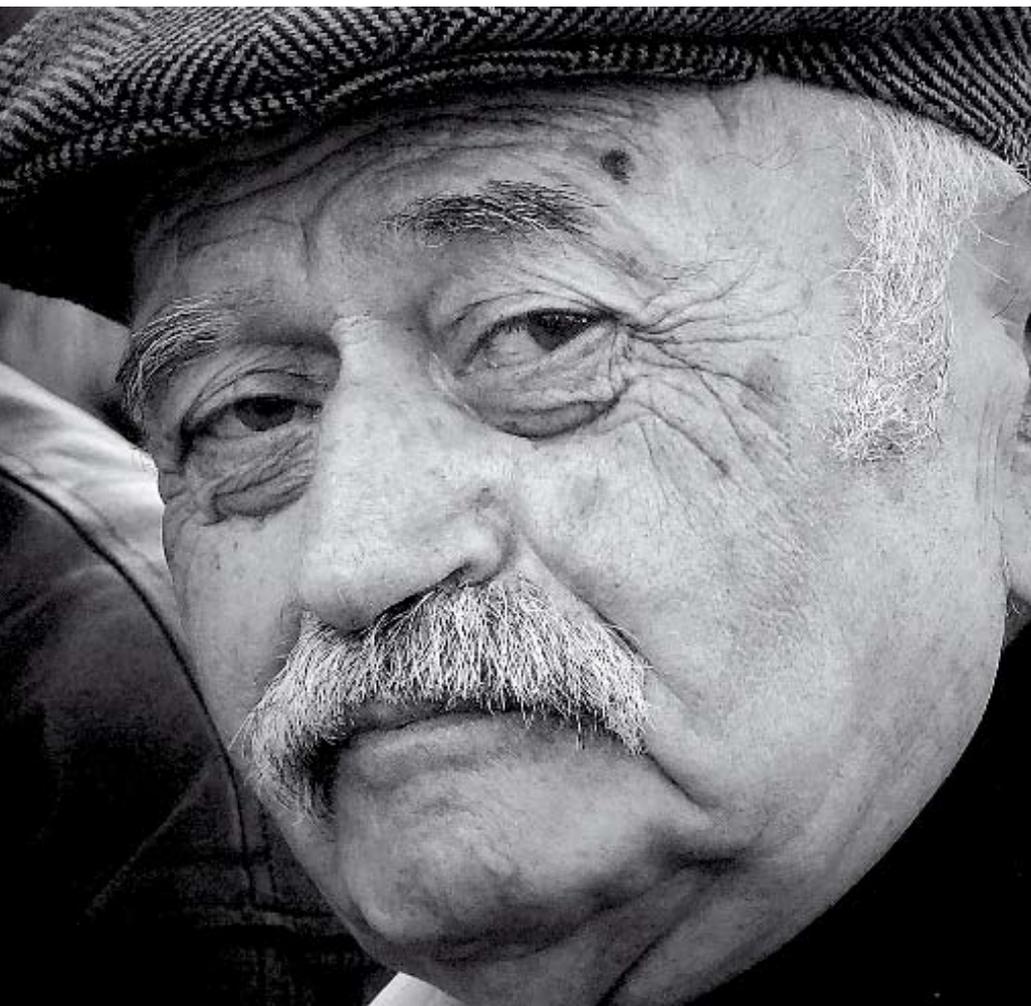
С нами вновь разговаривает народная, священная война. И мы говорим: слава героям, подвиг ваш бессмертен!

Николай СВЕНТИЦКИЙ
 Президент Международного
 культурно-просветительского
 Союза «Русский клуб»
 Заслуженный деятель искусств
 Российской Федерации

ВЕЧНАЯ ЛОЗА ЖИЗНИ

ФИЛЬМ «ОТЕЦ СОЛДАТА», В ДЕКАБРЕ 2009 ГОДА ОТМЕТИВШИЙ СВОЙ 45-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ, УЖЕ СТАЛ КИНОЛЕГЕНДОЙ. КАК И ЕГО РЕЖИССЕР РЕЗО ЧХЕИДЗЕ, МЭТР ГРУЗИНСКОГО КИНО, ПОЧТИ СОРОК ЛЕТ ВОЗГЛАВЛЯВШИЙ КИНОСТУДИЮ «ГРУЗИЯ-ФИЛЬМ», ЛАУРЕАТ КАННСКОГО КИНОФЕСТИВАЛЯ, К ТОМУ ЖЕ, НАГРАЖДЕННЫЙ В ПРОШЛОМ ГОДУ ПОЧЕТНЫМ ПРИЗОМ «ЗА ВКЛАД В МИРОВОЙ КИНЕМАТОГРАФ» XXXI МОСКОВСКОГО КИНОФЕСТИВАЛЯ. ВРУЧАЛ ЕГО МИНИСТР КУЛЬТУРЫ РФ АЛЕКСАНДР АВДЕЕВ, КОТОРЫЙ ПО-ГРУЗИНСКИ ПРИВЕТСТВОВАЛ РЕЖИССЕРА: «РЕЗО, ВЫ НАШ ГРУЗИНСКИЙ БРАТ. ВЫ СВОИМ ТВОРЧЕСТВОМ ДЕЛАЕТЕ ТО, ЧТО ЗАВЕЩАЛИ НАМ НАШИ ПРЕДКИ».

Резо Чхеидзе

«Отца солдата» по праву называют самым пронзительным фильмом о Великой Отечественной войне. Во времена СССР каждый год 9 мая эту ленту о грузинском старике, прошедшем всю войну в поисках сына, смотрела вся страна. Главными «виновниками» прославленной киноленты были, конечно, режиссер Резо Чхеидзе и исполнитель главной роли Серго Закариадзе.

У этой картины счастливая судьба. Немногие фильмы отмечены памятниками. А вот главному герою фильма, отцу солдата Махарашвили, в Кахетии стоит огромный 14-метровый монумент скульптора Мераба Бердзенишвили, который создал также надгробие на могиле Серго Закариадзе. Это тот самый скульптор, чей «Мемориал воинской славы» в Кутаиси, по странному совпадению, был уничтожен буквально за несколько дней до юбилея фильма, прошедшего 22 декабря в московском Доме кино. Но памятник «Отцу солдата» стоит и будет стоять, потому что это знак человечности и любви, и это дань всем тем, кто не вернулся домой с полей сражений. Грузия потеряла в той страшной войне XX века около 300 тысяч воинов.

Майский номер нашего журнала, посвященный 65-летию Великой Победы, был бы неполным, если бы в нем не прозвучало имя Резо Чхеидзе. К сожалению, мы не смогли лично встретиться и поговорить с батони Резо, так как он долгое время находится в Москве – занят озвучиванием фильма «Свеча с гроба господня». Это совместная работа «Мосфильма» и «Грузия-фильм».

А перед Новым годом случилась беда, режиссер

сломал ногу, потребовалась операция, и ему пришлось три месяца лежать в больнице. Редакция журнала «Русский клуб» решила сделать коллаж из многочисленных интервью режиссера и его высказываний о своем фильме «Отец солдата».

- В декабре 2009-го исполнилось 45 лет «Отцу солдата», а 1 июля – 100 лет со дня рождения Серго Закариадзе. Помнят ли об этом в Грузии?

- В России помнят больше. Я уже давал интервью и «Первому каналу», и «Культуре», и каналу «Звезда». Звонили и с одного телеканала из Тбилиси.

- Как вы восприняли награду Московского кинофестиваля «За вклад в мировую кинематографию»?

- Абсолютно не ожидал этого, я в это время был в Москве, и меня пригласили на церемонию награждения, попросив сесть ближе к сцене. Эта награда меня очень трогает, но неужели мой вклад мировых масштабов? Не думаю.

- Как отнеслись в Грузии к вашей московской награде?

- Приз называется «За вклад в мировую кинематографию», и это дорогая для меня оценка моей жизни и моих дел. Но могут по-разному оценить мою речь, в которой я процитировал слова Католикоса-Патриарха всея Грузии Ильи II: «Утром человек встает и, прежде чем солнце поднимется, видит своего соседа». Это невозможно – жить рядом и быть в ссоре и вражде. Надо быть реалистами. Грузия должна учесть, что ее сосед – великая страна Россия. То, что сейчас происходит, очень надеюсь, пройдет.

- Ваш фильм «Отец солдата» вошел в десятку лучших фильмов мира о Второй мировой войне, получил множество премий. Какая из наград для вас самая дорогая?

- Премии, награды – все это хорошо, но не главное. Лучшая для меня рецензия на фильм «Отец солдата» – письмо, которое я получил из Севастополя. В нем рассказывался конкретный случай, когда молодой человек пришел в милицию, чтобы признаться в совершении кражи. Когда у него спросили, почему он пошел на этот шаг, тот ответил: «Я только что посмотрел фильм «Отец солдата» и решил, что буду честно жить на белом свете». Дай бог, чтобы память о Серго Закариадзе долго жила в сознании нашего народа и чтобы люди, посмотревшие фильмы с его участием, хотели стать лучше, чем они есть в жизни.

- Как возникла идея фильма?

- Как-то во дворе нашей киностудии после съемок мы встретились с Сулико Жгенти, с которым мы вместе учились во ВГИКе и очень дружили. Тогда в Москве мы жили недалеко от Кремля в общежитии для студентов Грузии. Редко такое бывает, обычно общежития предназначены для студентов конкретного вуза. Представьте,

Кадр из фильма «Отец солдата»

какой порядок там царил – все грузины вместе.

- Об этом любит вспоминать и Гига Лордкипанидзе, как в одной комнате жили четыре будущих народных артиста СССР – композитор Сулхан Цинцадзе, два кинорежиссера вгиковца – вы и Тенгиз Абуладзе, и один из ГИТИСа – Гига.

- Да, студенческие годы прошли очень весело, но трудно – полуголодные ходили. Грузины жили так – получили стипендию или из дома что-то прислали – в этот же день в ресторан! Все проедали и через три дня ходим голодные. Однажды в конце марта светило солнце и мы решили, что уже наступает весна, и сдали пальто в ломбард. Выходим на улицу, а там снег идет. Но мы все равно пошли в ресторан. Так вот, на киностудии разговорились мы с Сулико, тогда еще никому не известным, начинающим сценаристом, и он дает мне какие-то листочки, мол, почитай, что я тут набросал. Я сразу же прочел, и эти «наброски» меня просто потрясли.

- Почему именно Серго Закариадзе вы предложили роль Георгия Махарашвили?

- Потому что он великий актер. На момент нашей с ним встречи батони Серго был очень известным, много снимался в кино. В театре Руставели у него были ведущие роли - Короля Лира, царя Эдипа, смотреть его приезжали со всего Советского Союза. В работе он не знал покоя и другим не давал. Плюс к этому - неистовый грузинский темперамент. По своим душевным

качествам он был идеален для этой роли. Его склад мышления, его глубокое знание народа были идентичны моему видению главного героя. Это должен был быть мощный человек – широко шагающий, уверенный, сильный, мудрый, с юмором и добрыми глазами. Серго в то время было 55 лет, он снимался у меня в «Морской тропе» в роли капитана корабля. Когда я прочитал сценарий, то на следующее утро помчался к Закариадзе в примерную, хотя знал, что он не любит, когда перед съемками ему кто-то мешает сосредоточиться. Но я не смог утерпеть и стал читать. Сначала он слушал молча, не реагировал, потом оживился, а когда я закончил, повернул ко мне лицо с мокрыми от слез глазами: «Так он нашел сына?» И я понял, что Серго будет сниматься. Киностудия, правда, сопротивлялась, там говорили, что Закариадзе больше театральный актер, что он не тот красавец-грузин, который мог бы олицетворять Грузию на международном уровне. Пришлось убеждать, что эту роль может сыграть только он. Мы оба понимали, что наш фильм - не биография какого-то конкретного человека, а притча об идеальном отце.

- Оказывается, не все складывалось гладко?

- Первоначально и сценарий не хотели пропускать – говорили, что грузинский народ представлен плохо, комедийно. Ведь в фильмах послевоенных лет акцент делался на преимуществе советской общественной

системы, на показе мощи государства, разбившего немецких захватчиков. А простые солдаты зачастую оставались в тени. Так что нам пришлось много воевать. Иногда приходилось говорить «да» тому, с чем не согласен, чтобы пройти на следующий этап создания фильма. А теперь мы гордимся и фильмом, и его главным героем. Между прочим, Серго был необыкновенно ответственным. Раньше всех вставал утром и первый гримировался. В костюме Махарашвили он, по моему, и спал, чтобы утром быстро ехать на съемки. Военные батальоны снимались далеко от гостиницы, где жили актеры. Но уже в шесть утра он сидел на первом сиденье возле шофера в автобусе и ждал остальных участников съемочной группы. Первый приходил и последний уходил, потому что результат такой. Представляете, если бы его не было в фильме!?

- Какие «жизненные» эпизоды вошли в ваш фильм?

- Он подсказан самой жизнью. Будущий сценарист Сулико Жгенти сам был участником войны, пошел добровольцем, попал в морскую пехоту, был ранен. Прототип главного героя - реальный человек, воевавший в роте Сулико, встретились они в боях под Керчью. Фамилию герою автор дал в память о нем. Тот Махарашвили, виноградарь из Кахетии, был лет пятидесяти, а все остальные - молодые ребята. Сулико вложил в сценарий свои воспоминания о том, как старый солдат заботился о молодых, как весной мечтал, чтобы поскорее война закончилась и он смог бы вернуться к деревенской работе. «Ночной поход, тащишь пулемет, а он помогает, подхватывает», - вспоминал сценарист. Даже такой эпизод в фильме, когда Махарашвили берет землю и говорит: мол, сейчас пора пахать, сеять, - был на войне. «Весна, проснулся и вижу - берет наш старик штык и ковыряет им землю, - рассказывал мне Жгенти. - Смотрю - сажает зерно». Так что фильм родился из молекул жизни. Серго Закариадзе чувствовал своего героя как себя самого. И зрители ему отвечали искренней любовью, верили, что солдат Георгий - не выдуманный персонаж. Не случайно в Гурджаани стоит памятник 14 метров в высоту. Это один из немногих киногероев в мире, увековеченных таким образом. Скульптор вокруг еще расположил небольшие плитки с фамилиями погибших, 300 гурджаанцев не вернулись с войны. Очень многие из них - Махарашвили. Кстати, Мераба Бердзенишвили знают и в Москве, там стоит его памятник Шота Руставели.

- Снимать фильм с эпизодами военных действий совсем непросто. Было много трудностей?

- Нам везде и всюду помогали. Съемки шли под Москвой, в Грузии, а «немецкие» эпизоды мы снимали, как тогда часто бывало, в Риге и Калининграде. Мы снимали фильм на смешные деньги - 38 тысяч советских рублей. Армия помогала бесплатно. Каждый военный округ, куда мы приезжали, выполнял все заявки. До сих пор помню, как писал, что нужны танки Т-34, две гаубицы, военные в количестве 30 человек... В Подмосковье в нашем распоряжении были части дивизии, дислоцированной в Наро-Фоминске. К нам приставили куратора - генерал-лейтенанта Владимирова, бывшего командующего артиллерией Прибалтийского фронта. Человек он был очень опытный, образованный и многое сделал для фильма. Так что особых проблем при съемках батальных сцен у нас не возникало. К слову, на роль консультанта картины генерал согласился только после

того, как прочитал сценарий.

- Были какие-то сложности с выпуском картины? Ведь в те времена готовые киноленты иногда клали на полку, а неудобные и вовсе смывали в лабораториях.

- Проблемы возникли в Госкино СССР. Тогда, как известно, каждый отснятый фильм должен был получить там «добро», без которого не мог пойти в прокат. Руководитель Госкино Романов в одном из эпизодов фильма усмотрел «нарушение армейского устава» - это когда рядовой Махарашвили закатывает оплеуху лейтенанту, который танком давит виноградник. Он решил не выпускать картину в военный прокат, который составлял четвертую часть всего советского кинопроката. Но окончательное решение Госкино переадресовало Главному политуправлению Министерства обороны СССР. Это было для нас настоящим потрясением, у Минобороны репутация была еще та. Мы с такой радостью ехали в Москву на сдачу фильма, заранее заказали банкет в ресторане «Арагви», и вот тебе на! Какой уж тут банкет? Нас позвали в небольшой кинозал Минобороны, на просмотр «Отца солдата» пришли начальник ГПУ генерал-лейтенант Востоков и еще около двадцати высокопоставленных военных. Их реакция поразила нас своей точностью, в зале, когда надо - смеялись, когда надо - затихали, а в конце были аплодисменты, что для этого зала почти невероятно. Военные восторженно приняли фильм и никакого «нарушения устава» в нем не обнаружили. Востоков после сеанса подошел ко мне и сказал: «Как же ваш главный киноначальник не понял, что это не солдат бьет офицера, а отец шлепает провинившегося сына» ... Потом фильм показали и в ЦК, и Брежневу. А в 1966 году Серго Закариадзе получил Ленинскую премию - в то время высшую государственную награду.

- Говорят, что вам предлагали снять продолжение фильма «Отец солдата»?

- Зрители присылали тонны писем, в которых умоляли снять вторую серию «Отца солдата». Но я не видел и не вижу смысла в продолжении картины. Без сына нет отца, а без Серго Закариадзе нет Георгия Махарашвили. Дважды войти в одну реку невозможно.

- Как вы воспринимаете попытки уничтожить память о Великой Отечественной войне или произвести ее переоценку?

- Однозначно: это кощунство и безобразия. Великая Отечественная война стала трагедией для грузинского народа. Была и высокая, одухотворенная победа в 1945-м. Освобождена была Европа, фашизм пал. Мы не забыли и радость от той великой Победы. Победа - двойная вещь. Как в моей картине, отец одного грузинского солдата становится отцом для всех молодых ребят разных национальностей. Старик Махарашвили теряет своего сына, но зритель знает, что герой вернется домой и будет продолжать ухаживать за своим виноградником. Он не становится солдатом в том смысле, чтобы теперь всегда воевать, а несмотря ни на что сохраняет свое точное предназначение.

«Отец солдата» - это эпос о великой войне. И со временем фильм не только не поблек, но и обрел новое звучание. Он дает людям большую веру. Веру в то, что политикам не подвластно разъединить народы, чья дружба спаяна веками. Об этом не раз говорил и сам режиссер: «Тучи рассеются, а небо останется. Грузия и Россия всегда находили общий язык, вместе творили. Наше дело - дружить и любить друг друга».

Материал подготовила Вера ЦЕРЕТЕЛИ

ЗА РОДИНУ-МАТЬ

ОТ ЦЕПЕЙ ФАШИСТСКОГО

СЧИТАЮ СЕБЯ СОЛДАТОМ

Щедро наградила дарами природа чудесную мою родину – Грузию. Лучезарное солнце, изумрудное небо, пленительный, благоуханный горный пейзаж – страна, достойная песен. В ее честь народные сказители создают изумительные легенды, ее воспевают поэты, талантливые музыканты. Бесконечное разнообразие и богатство грузинского фольклора образует тот золотой фонд, который, помимо своей самобытной ценности, является источником вдохновения для современных художников. Таково значение, например, бессмертного творения Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Еще в юности меня захватили романтические образы Руставели – Тариэл и Автандил. Уже зрелым художником я выполнил цикл иллюстраций к «Витязю в тигровой шкуре».

Два фактора сыграли решающую роль в развитии грузинской художественной культуры – народное творчество и культура братского русского народа. На этих началах выросло и развилось несколько поколений грузинских мастеров.

Отец мой, крупнейший живописец Грузии Мосе Тоидзе, – ученик великого русского художника Ильи Репина и учитель целой плеяды грузинских художников. Маститый 72-летний художник Мосе Тоидзе не превратился, однако, в старца, который только поучает. Он много работает. За годы войны создал немало патриотических произведений, украсивших выставку в Тбилиси, посвященную Великой Отечественной войне («Письмо с фронта», «Теплые вещи для фронта»). Сейчас художник работает над большой композицией «Великий русский поэт Пушкин в Грузии».

К старшему поколению живописцев относится и Ладо Гудиашвили, художник большой культуры, впитавший в себя наряду с великими традициями древнего национального искусства и высокую культуру современного искусства живописи.

Картины Гудиашвили воспроизводят образы восточных сказок. Вместе с тем он культивирует своеобразное искусство портрета в духе старинных национальных традиций.

В годы войны работники искусства Грузии в ос-

Освободим Европу

ОТ ЦЕПЕЙ ФАШИСТСКОГО РАБСТВА!

Ираклий Тоидзе

новном посвятили свое творчество великому делу борьбы против гитлеризма. Работы всех поколений мастеров свидетельствуют об их высокой идейности, о росте мастерства. Профессиональной зрелостью и национальным колоритом отличаются работы художников – Учи Джапаридзе («Раненый герой»), Александра Симакуридзе («Партизаны») и многих других.

Я принадлежу к среднему поколению художников Грузии. Дом моего отца в Тбилиси, где я вырос, являлся центром грузинской художественной интеллигенции. В семье моего отца бывал Горький. В настоящее время считаю себя художником-солдатом, призванным служить своим искусством Родине. Мое творческое воображение волнуют образы самоотверженных героев, боевая романтика партизанского движения. Эти мои настроения я отобразил в плакатах «Родина-мать зовет!», «Клянись победить!», «Отстоим Кавказ» и других, в написанных в годы войны картинах – «Пытка партизана», «Таня», «Зверства фашистов». С большим увлечением работаю в художественно-литературном журнале «Красноармеец».

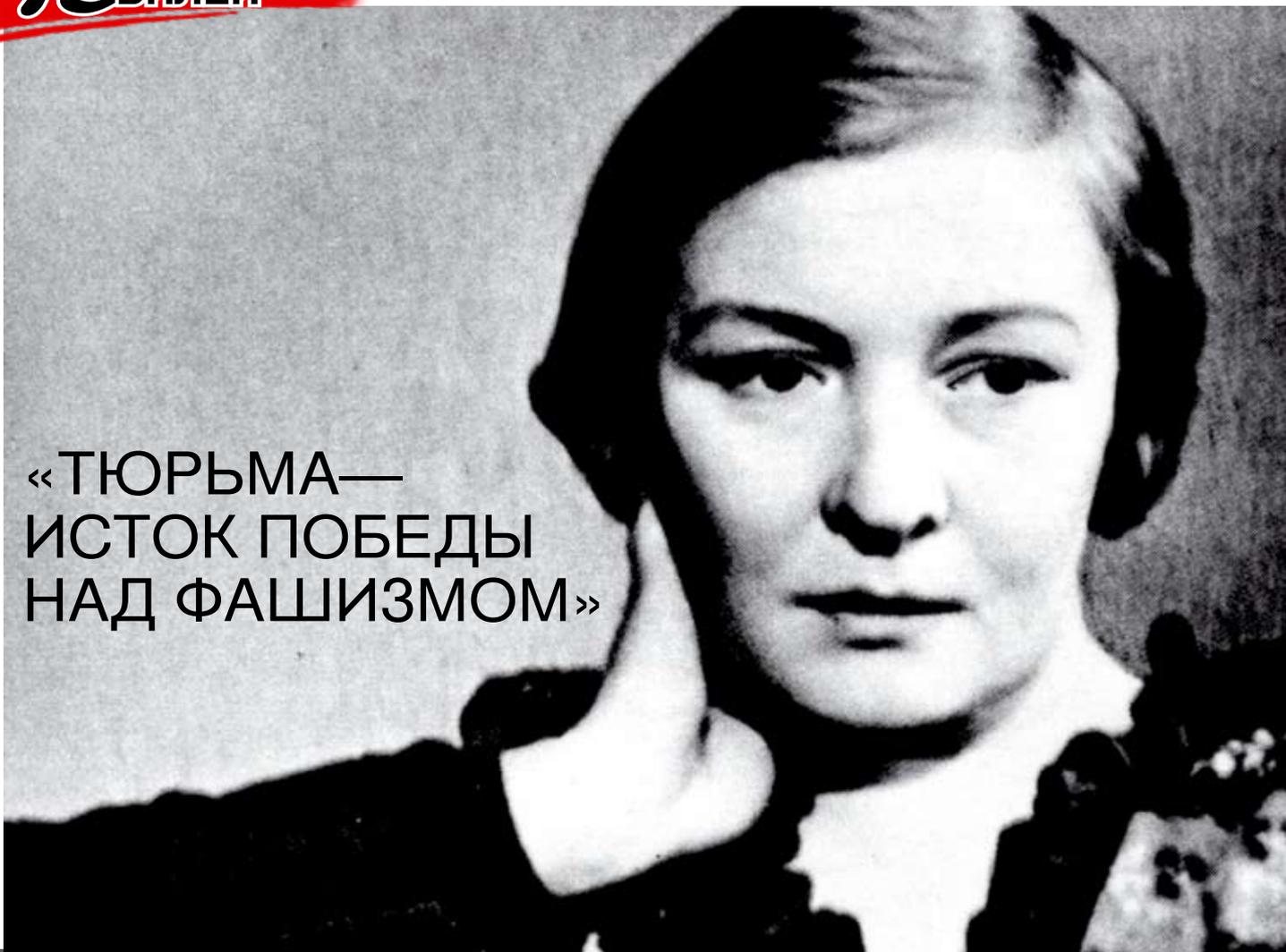
Трудно в коротком очерке охарактеризовать многообразное искусство Грузии. Много можно сказать о С. Какабадзе, художнике-декораторе Симоне Вирсаладзе, прославившемся своими декорациями к национальной опере «Даиси», талантливой портре-

тистке Кето Магалашвили и многих других. Все они объединены в творческий Союз художников Грузии, насчитывающий более двухсот человек.

На Кавказе непрестанно ведется изучение нашего древнего искусства. Архитекторы украшают древним орнаментом новые здания. Нас вдохновляют также лучшие мировые образцы живописи и скульптуры.

Ираклий ТОИДЗЕ
1940-е гг.

«ТЮРЬМА—
ИСТОК ПОБЕДЫ
НАД ФАШИЗМОМ»

В МАЕ 2010 ГОДА ИСПОЛНЯЕТСЯ СТО ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОЛЬГИ БЕРГГОЛЬЦ

Впервые получен доступ к засекреченному ранее делу Ольги Берггольц. «Не обнаруженное» двадцать лет назад дело сохранилось в архивах ФСБ, и хотя большая его часть до сих пор остается закрытой, случившееся можно считать прорывом, потому что лис-

ты этого дела – драгоценные свидетельства «крестного пути» большого русского поэта, патриота в самом прямом и незамутненном значении этого слова.

«Вот и похоронили Ольгу, Ольгу Федоровну Берггольц». Первая строка рассказанной Даниилом Граниным истории о похоронах О. Берггольц 18 ноября 1975 года. Строка как строка. Но что-то в ней цепляло. Интонация. Цезура, прозой не предусмотренная. Обрыв. Пауза длиною в жизнь. Из этой паузы возник сборник «Память» (Азбука, 2009). Составить его было несложно: избранные стихотворения, книга «Дневные звезды». Сложно было остановиться, вырвать из этой уже не чужой судьбы. Особенно обжигали стихи, подписанные: «Январь 1939. Камера 33», «Апрель 1939. Одиночка 17», «Апрель 1939. Арсеналка. Больница», «Май. Одиночка 29».

То, что с 14 декабря 1938 года по 3 июля года 1939 О. Берггольц находилась под арестом, известно. Об этих днях сохранились и ее дневниковые записи. До последнего времени оставалось неясным, по какому делу она проходила, что собственно инкриминировалось будущей «Блокадной музе», «Голосу блокадного города». В воспоминаниях современников

осталась ироничная реплика Берггольц об обвинении ее «в пятикратных попытках убить Жданова». Первый запрос в КГБ с целью ознакомления с делом О. Ф. Берггольц был сделан 4 октября 1989 года и подписан заместителем председателя правления Ленинградской писательской организацией. Запись об этом есть в архиве критика Натальи Банк, хранящемся ныне в Российской национальной библиотеке. Надо полагать, инициатором запроса и была Н. Банк, близкий Ольге Федоровне человек, исследователь ее творчества. 27 ноября из КГБ пришел ответ (документ за № 10/28-015832): «В результате поисковой работы наличия в архивах КГБ МВД уголовного дела по обвинению О. Ф. Берггольц не обнаружено». Это странный ответ. Если и есть в отечестве организация, где не пропадает ничего, то это именно КГБ. Предположить, что человек там был, а дела на него не сохранилось, сложно.

Ответ из архивов КГБ МВД следовало принять

материалы принадлежит Д.А. Гранину. «Интересно было бы посмотреть на дело». «Но ведь оно не сохранилось». «А вы попробуйте».

И вот архивное следственное дело № П-8870 лежит передо мной на столе в одном из кабинетов на Литейном, 4.

Из «Справки о наличии сведений»:

«...Берггольц О. Ф. (в деле фамилия Берггольц везде пишется с ошибкой. – Н. С.) было предъявлено обвинение в том, что она являлась активной участницей контрреволюционной террористической организации, ликвидированной в г. Кирове, готовившей террористические акты над т. Ждановым и т. Ворошиловым; в том, что квартира Берггольц в г. Ленинграде являлась явочной квартирой террориста Дьяконова Л. Д., который в 1937 г. приезжал к ней и совместно с ней намечал план убийства т. Жданова, т. е. в пр. пр. ст. 58-8, 58-10 и 58-11 УК РСФСР.

На улицах блокадного Ленинграда

на веру. Во всяком случае, попыток получить доступ к делу О. Берггольц больше не предпринималось (Н. Банк не стало в 1997 году).

Спустя почти двадцать лет, в августе 2009 года, в связи с готовящейся к выходу книгой стихотворений, прозы, дневников и писем О. Ф. Берггольц, было сделано еще одно обращение в Управление ФСБ по Санкт-Петербургу и ЛО с просьбой о получении доступа к делу. Сила инерции могла сработать и в этом случае: зачем запрашивать то, что уже «не обнаружено». Собственно, мысль повторно запросить следственные

Постановлением Управления НКВД ЛО от 2 июля 1939 следственное дело по обвинению Берггольц О. Ф. за недоказанностью состава преступления производством прекращено. 3 июля 1939 г. Берггольц О. Ф. из-под стражи освобождена».

Напомним, что статья 58-8 подразумевает «высшую меру социальной защиты» – расстрел.

О Леониде Дьяконове читаем в дневнике О. Берггольц от 20 мая 1942 года:

«Вчера были у Матюшкиной, тетки Тамары Франчески. Тамара – сестра Игоря Франчески и близкая

подруга Ленки Анка, двух людей из шести, которые оговорили меня в 38-м году, и из-за них я попала в тюрьму. Они не виноваты, их очень пытали, но все же их показания чуть-чуть не погубили меня...»

Анк – журналистский псевдоним Л. Дьяконова. Упоминается его имя и в подготовительных материалах ко второй, ненаписанной части «Дневных звезд»: «Это был 1931 год. Чума, холера, черная оспа. Там хранили воду в выдолбленных тыквах и пытались замостить почти болотистые улицы Алма-Аты <...> Все было далеко не только до социализма, до нормальной человеческой жизни...»

Но мы круто повернули, послушные дороге-пути, и сразу открылась сверкающая красота земли.

– Вот, ребята, – сказал Ленька, – вот так мы войдем в социализм.

И мы молча и безоговорочно согласились с ним...

Это был 1931 год, мы были молоды, очень молоды, я и Коля (Николай Молчанов, муж О. Берггольц. – Н. С.), приехавшие работать в казахскую газету, и друг наш Леонид Д. — сотрудник той же газеты. <...>»

Шестой лист из 226 листов, составляющих дело О. Берггольц, – «Постановление об избрании меры пресечения и предъявления обвинения». Лист седьмой – ордер на арест № 11/046. Постановление утверждено комиссаром 2-го ранга Гоглидзе.

Комиссар Гоглидзе назван в дневниковой записи от 1 марта 1940 г.

«...Я даже здесь, в дневнике (стыдно признаться), не записываю моих размышлений... Сам комиссар Гоглидзе искал за словами о Кирове, полными скорби и любви к Родине и Кирову, обоснований для обвинения меня в терроре. О, падло, падло.

А крючки, вопросы и подчеркивания в дневниках, которые сделал следователь? На самых высоких, самых горьких страницах!

Так и видно, как выкапывали «материал» для идиотских и позорных обвинений. И вот эти измученные, загаженные дневники лежат у меня в столе...»

Об изъятых дневниках, которые будут «загажены», тоже есть в деле. Лист восьмой. Протокол обыска. Под номером семь значатся «пятнадцать записных книжек», под номером десять – «девять тетрадей».

Неоднократно в деле встречается и фамилия И. Т. Мусатова, следователя следчасти УНКВД ЛО.

О Мусатове можно прочитать в набросках ко второй части «Дневных звезд».

«К главе «Узел». Внутритюремный допрос.

(На внутритюремном допросе с Иваном Тимофеевичем Мусатовым.)

Он добивается, чтобы я сказала, какие шифры я передала Лизе Косульниковой (Речь идет о шифре, придуманном О. Берггольц для связи с родными на воле. — Н. С.) <...> Мусатов говорит под конец:

– Ольга Федоровна... Вы поступаете нечестно.

Я взглянула ему прямо в глаза, и взгляды наши столкнулись и вошли друг в друга, – всепонимающий то был, единый взгляд людей.

Взгляд людей друг другу в глаза, взгляд коммунистов – не боюсь сказать. И так мы говорили друг с другом не менее трех секунд, целую вечность.

– Иван Тимофеевич, я поступаю честно, – сказала я, не отводя своего взгляда от его человеческого взгляда (коммуниста), – и вы понимаете это.

– Я понимаю, – ответил он и опустил глаза на мое «дело»... И в то мгновение я увидела его веки: темные, темно-коричневые, в частых, выпуклых, вдоль идущих, набегающих друг на друга желтых морщинах, с черной полоской под глазным яблоком, усталые, страшные веки смертельно уставшего человека...

Да ведь он устал... устал этот человек... Потому что он – тоже человек... (как с немцами)<...>

– Ну так как же, значит, у вас в камере вы врагов народа не обнаружили?

Мы вновь были не людьми, а следователем и подследственной, но то, что хоть на миг блеснуло между нами...»

Под Постановлением об избрании меры пресечения стоит три фамилии: лейтенанта ГБ Резникова, младшего лейтенанта ГБ Кудрявцева, младшего лейтенанта ГБ Дроздова.

Подпись начальника 6-го отделения Ивана Кудрявцева видим и на Протоколе первого допроса О. Берггольц от 14 декабря.

«Вопрос. Вы арестованы за контрреволюционную деятельность. Признаете себя виновной в этом?»

Ответ. Нет. Виновной себя в контрреволюционной деятельности я не признаю. Никогда и ни с кем я работы против советской власти не вела.

Вопрос. Следствие не рекомендует вам прибегать к методам упорства, предлагаем говорить правду о своей антисоветской работе.

Ответ. Я говорю только правду.

Записано с моих слов правильно. Протокол мною прочитан.

О. Берггольц

Допросил Иван Кудрявцев».

В протоколе обозначено время, которое шел этот допрос из семи фраз. Он шел три часа, с 21.30 до 00.30.

Дневниковая запись от 14 декабря 1939 г. «Ровно год тому назад я была арестована.

...Я сначала сидела в «медвежатнике» у мерзкого Кудрявцева, потом металась по матрасу возле уборной – раздавленная, залепанная, оторванная от близких, с реальной перспективой каторги и тюрьмы на много лет...

Ровно год назад К<удрявцев> говорил мне: «Ваши преступления, вы – преступница, двурушница, враг народа, вам никогда не увидеть мужа, ни дома, вас уже давно выгнали из партии».

<...> Вот на днях меня будут утверждать на парткоме...»

Из кандидатов в члены ВКП/б/ Ольгу Берггольц исключали дважды. Первый раз, с последующим восстановлением, в мае 1937 года, когда она в качестве свидетеля проходила, вероятно, по делу Л. Авербаха или Б. Корнилова. Так, в «Постановлении о прекращении дела № 58120-38г. по обвинению Бергольц О.Ф.» читаем (синтаксис и стиль оригинала сохранены): «...Что же касается показаний Бергольц, данных ею во время допроса в качестве свидетеля в июле м-це 1937г., где она показала, что является участником троцкистско-зиновьевской контрреволюционной организации, являются, как установлено следствием, показаниями вынужденными, даны в состоянии очень тяжелого морального и физического состояния, о чем свидетельствует тот факт, что сразу же после допроса Бергольц попала в больницу с преждевременными

родами». Второй раз исключили, когда она уже находилась в тюрьме, оговоренная Л. Д. Дьяконовым, И. Г. Франчески, А. И. Семеновым-Алданом. Приводим здесь только показания Л. Дьяконова от 14 апреля 1938 г.:

«...Подобно мне она уже готовила себя для террористической деятельности. И на мой первый же вопрос: как она смотрит на террор? — Ольга ответила: только положительно. Она знала о моем вступлении в группу еще в 1936 г. и спросила о работе. <...> В одной из маленьких комнат ее квартиры мы в течение нескольких дней обсуждали план покушения на Жданова. <...> На Первомайском параде 1937 г. мы готовили два терр-акта. По одному из них предполагалось произвести выстрел по трибуне из танка. Это дело, как сообщила мне Берггольц, было задумано военной террористической группой, но не состоялось из-за внезапного заболевания надежного танкиста (выделено мной — Н. С.). Второй вариант покушения продумали мы сами...»

Спустя годы она делает наброски об этом времени для второй части «Дневных звезд»:

«Мои даты: 7/XI-37.

Меня выгнали из демонстрации.

«Ничего. Я не сержусь на вас. Я еще напишу о вас такое, что вы будете плакать над этим. Парикмахер, который стрижет меня сейчас, когда-нибудь будет гордиться этим...»

Тогда, в 1937-м, «обошлось». В мае выгнали из кандидатов в члены ВКП/б/, потом с октябрьской демонстрации (но, кажется, и тюрьму ей было бы пережить легче, чем эту несправедливость!), а в ноябре выгнали и с «Электросилы» (с 19 декабря 1937 г. по 1 сентября 1938 г. она работала учительницей в школе, даты известны из хранящейся в деле характеристики, данной с места работы по запросу следственной части облсуда).

В апреле 1938 года Берггольц действительно была восстановлена как кандидат в члены ВКП/б/ и возвращается на завод.

О повторном исключении в деле имеется Выписка из протокола № 57 заседания Бюро РК ВКП/б/ Московского района по партийной организации завода «Электросила» им. Кирова (лист 182) от 5 января 1939 г.: «Берггольц Ольга Федоровна, г./рожд. 1910, кандидат в члены ВКП(б) с 1932 года, к/карт. № 0478579, национ. — русская, соц. положение — служащая, работала редактором-автором истории завода «Электросила». Берггольц О. Ф. арестована органами НКВД, как враг народа.

П/организация завода исключила Берггольц из рядов ВКП/б/.

Постановили: Берггольц О. Ф., как врага народа, арестованную органами НКВД, из кандидатов ВКП/б/ исключить».

Вернемся к справке от 27 ноября 1989 г., выданной КГБ на первый запрос о деле О. Ф. Берггольц:

«С 8 апреля 1939 года находилась во внутренней тюремной больнице (причина болезни не указана), откуда была направлена в Областную больницу для составления заключения. Возвращена 22 апреля 1939 года».

...Двух детей схоронила

Я на воле сама,

Третью дочь погубила

До рожденья — тюрьма...

(Апрель. Арсеналка. Больница)

Вот и причина «болезни».

Большая часть листов дела вдета в конверты из плотной коричневой бумаги, по-прежнему недоступна. Но даже те немногие «незапечатанные» страницы драгоценны, они свидетельства «крестного пути» большого русского поэта и патриота своей Родины О. Ф. Берггольц. Хочется поблагодарить С. В. Чернова, заместителя начальника Службы регистрации и архивных фондов УФСБ по Санкт-Петербургу и ЛО, за предоставленную возможность ознакомиться с архивным следственным делом О. Берггольц.

За невской водой

«Неразрывно спаять тюрьму с блокадой» — одна из записей ко второй части «Дневных звезд». Но тюрьму она «спаяла» — еще шире — с войной. «Тюрьма — источник победы над фашизмом. Потому что мы знали: тюрьма — это фашизм, и мы боремся с ним, и знали, что завтра — война, и были готовы к ней».

...И под огнем на черной шаткой крыше ты крикнул мне,

не отвоя лица:

«А если кто-нибудь из нас...»

Ты слышишь?

Другой трагедию досмотрит до конца»...

Все трагедии века Ольга Берггольц досмотрела до конца.

Наталья СОКОЛОВСКАЯ

9 АВГУСТА 1942 ГОДА ИЗ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА ПРОЗВУЧАЛА «СЕДЬМАЯ СИМФОНИЯ» ДМИТРИЯ ШОСТАКОВИЧА. ЭТО БЫЛО ПЕРВОЕ ЕЕ ИСПОЛНЕНИЕ, И ПОТряСЕННЫЙ МИР СЛУШАЛ ЕЕ В ПРЯМОМ ЭФИРЕ. В ЭТОТ ДЕНЬ НЕБО ОСАЖДЕННОГО ЛЕНИНГРАДА ОХРАНЯЛОСЬ СОВЕТСКИМИ ЛЕТЧИКАМИ И ЗЕНИТНЫМИ БАТАРЕЯМИ, ЗА ВРЕМЯ КОНЦЕРТА НИ ОДИН СНАРЯД НЕ УПАЛ НА ГОРОД. ОСТАВШИЕСЯ В ЖИВЫХ ГОЛОДНЫЕ И УМИРАЮЩИЕ МУЗЫКАНТЫ НАШЛИ В СЕБЕ СИЛЫ ДЛЯ РЕПЕТИЦИЙ И КОНЦЕРТА, КОТОРЫЙ ТРАНСПИРОВАЛСЯ НА ВЕСЬ МИР.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ СРЕДИ ВОЙНЫ

Потом, в немецких окопах, нашли дневник немецкого офицера, где было написано: «9 августа 1942 года. Слушал по радио из осажденного Ленинграда симфонию Шостаковича. Они победили. Мы проиграли войну».

Этот день ленинградская поэтесса Ольга Берггольц назвала Днем Победы среди войны.

«День Победы среди войны, или Блокадный оркестр» – так называли Инга Гаручава и Петр Хотяновский свою пьесу, посвященную 40-летию Великой Победы.

Действующие лица пьесы Оркестранты и их Инструменты.

Пьеса была написана в 1985 году и поставлена в Москве, Ленинграде, Ростове-на-Дону, Горьком и многих других городах России.

Через двадцать лет режиссер Борис Гранатов обратился к этой пьесе и поставил ее в Вологде, в рамках международного фестиваля «Голоса истории». Постановка была удостоена «Гран-при» фестиваля.

В 1985 году в Москве и Ленинграде, после окончания премьерного спектакля, на сцену с инструментами в руках поднялись восемь оставшихся в живых оркестрантов. В прошлом году жив был только один оркестрант. Теперь – никого.

Только запись этого оркестра, их имена и память о них.

В канун 65-й годовщины Великой Победы мы знакомим вас с отрывками из этой пьесы.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ СРЕДИ ВОЙНЫ, ИЛИ БЛОКАДНЫЙ ОРКЕСТР Репетиция оркестра в двух частях

Часть первая

И было так.

Черные пюпитры оркестра, стулья и инструменты, звук метронома, свист снарядов и грохот войны.

Черный остов обгоревшей, когда-то прекрасной люстры, жалкое пламя коптилок, буржуйка, железная кровать. И между пюпитрами старые напольные часы, два горячих кирпича, чтобы греть руки, облезлая меховая шапка, надетый на дирижерский пульт строгий торжественный фрак.

Они придут к нам, сквозь годы и расстояния, из страшных блокадных дней, из нашей памяти и любви.

Сначала будет тихо, очень тихо. Потом из тишины возникнут эти звуки. Метроном. Настройка инструментов.

Свист снарядов, и грохот взрыва. И все обрывается тишиной, в которой бесстрастно застучит метроном.

И снова, как из небытия – мы здесь, мы живы! Настройка оркестра, свист снарядов, и снова взрыв.

И опять тишина, из которой возникает один, слабый и нежный голос *Флейты-пикколо*.

Флейта. Я флейта-пикколо, флейта-пикколо, маленький изящный инструмент, и голос мой изнежен и слаб, я родилась для веселой жизни. Смуглые весе-

лые пальцы пробежали по мне, и горячий смеющийся рот поцеловал меня.

От нашей любви родились прелестные звуки, с тех пор они носятся в этой огромной вселенной, похожие на порхающих и радостных бабочек.

Да, звуки имеют цвет. Скрипка черна, как тоска маэстро.

Коричнево-медовая старая виолончель. Черно-бел дурацкий торжественный барабан.

Дайте мне увидеть все цвета вместе, еще, единственный раз! Я флейта-пикколо, дитя любви пальцев и губ! Сколько их прижималось ко мне, сколько ласкало меня, требовало, молило... Последний раз я досталась ребенку, толстой кудрявой девочке. Она выбрала меня среди всех других инструментов, у старого мастера, а там были и скрипка, и валторна, и даже рояль! И, смешно сжав губы, крикнула: «Дай!» Так выбирают судьбу.

И я тоже притворилась ребенком, чтобы ей не было скучно, и мы вместе выросли. Только она не знала, что я вырасту не в первый раз.

Я флейта-пикколо, флейта-пикколо, маленький, изящный инструмент, я рождена для веселой жизни.

Мы лежим с ней в снежном сугробе. Очень холодно. Ветер. Губы ее почернели и распухли, а пальцы обтянуты кожей. Они похожи на птичьи лапки. Я у самых ее губ, она еще видит меня. Кто-то проходит мимо. Остановился, идет дальше. Нас сейчас заметет, заметет, у этого снега черный цвет. Нас никто не разыщет.

Первый раз я умру по-настоящему с той, с кем

Дмитрий Шостакович

Сцены из спектакля Вологодского молодежного театра. 2005

жила. Она тоже знает, она тянет ко мне птичью лапку, не дотянуться, мы вмерзаем в этот снег, в эту войну, в эту ночь.

И тогда я кричу навстречу губам и пальцам, выронившим меня: «Я флейта-пикколо, маленький веселый инструмент!»

Голос мой так отчаянно громок, так гневен, он так силен! Господи, значит, я умею кричать! Значит, есть и другой звук! Для меня! Сильный, властный, звук есть! Я могу перекричать даже скрипку. Что мне труба и жалкий барабан! У меня страшный, у меня сильный голос.

Я не дам тебе закрыть глаза, ты не вмерзнешь в лед!

Поднимайся, вставай, иди!

Дирижер во фраке подходит к пульту, стучит палочкой.

Альт (поднимаясь к нему навстречу). А я тебя ждал. Так и знал, что ты придешь. Видишь, даже начал разыгрывать пальцы. Я, между прочим, здесь минуты четыре, а может, и меньше, но я приспособился. Вытащил старую мамину шубу, все-таки беличья. И засовываю руки. Ты мать мою помнишь? Нет, ты не помнишь. А шуба ей теперь не нужна, а я греюсь. Иногда даже в ней сплю. Знаешь, пахнет духами и чем-то довоенным. Она была кокетливой женщиной. А у тебя дома, у тебя дома, у тебя все в порядке?

Дирижер. Спасибо.

Альт. Никто не умер?

Дирижер. Ты же знаешь, мы вдвоем.

Альт. Да, знаю. Но может быть, какие-нибудь дальние родственники.

Дирижер. Никого нет, мы одни.

Альт. А как она? Я ведь первым делом хотел про нее, только было страшно.

Дирижер. Она нормально. Сегодня поила меня утром кофе.

Альт. Я и про тебя думал. А может, он умер. Говорили, ты плох. Один раз проснулся ночью, а у альты третья струна – вся в ключья. От холода, наверное. Почему-то про тебя подумал. Хотел к вам зайти, а потом вспомнил – пятый этаж, лестница. Так и не зашел. А вчера по радио – объявление. И сразу понял – нет, жив. И что ко мне придешь.

Дирижер. К кому же мне еще идти.

Альт. А не думал, что откажусь?

Дирижер. Не откажешься.

Альт. А я не хочу. С тобой не хочу. Я ведь тогда из оркестра из-за тебя ушел.

Дирижер. Ну и глупо сделал. Сейчас поймешь и вернешься.

Альт. А что изменилось? Разве голод и война что-то меняет?

Дирижер. В музыке – нет.

Альт. Никогда не понимал, как ради дела человека можно унижить. Оскорбить. Даже ради самого большого дела. Я всегда хотел сказать тебе об этом. Думаешь, я тебя боялся? Тогда бы ты меня не понял. А сейчас поймешь. Ты помнишь, когда альтист не смог сыграть пассажа, ты помнишь, что ты ему сказал? Он тогда заболел. Ну и что? Сейчас? Вот по сравнению со всем этим? Не сумел сыграть пассажа! Ты бы и сейчас так же ему сказал?

Дирижер. Да, надо быть профессионалом.

Альт. А мне что ты скажешь?

Дирижер. Ты профессионал. Давай работать. Ты мне нужен. Все остальное ерунда.

Альт. Даже то, что я люблю твою жену?

Дирижер. Это только твоя беда. Репетиция завтра в девять. Будешь работать?

Альт. Буду.

Дирижер. Ночевать, как и все, останешься в радиокомитете. На казарменном положении.

Альт. Зачем?

Дирижер. Чтобы не умер с голода. И чтоб осколком на улицах не зашибло. Вот партитура. Почитай.

Дирижер стучит палочкой по пюпитру Скрипки.

Дирижер. Отзовись! Где ты там? (Стучит.) Прячешься, что ли, плут?

Скрипка. Заходи, здесь открыто.

Дирижер. Ты живой?

Скрипка. Нет, маэстро. Уже умираю.

Дирижер. Это глупо, первая скрипка! Подожди умирать. Ты мне нужен, ты что, не узнаешь? Ну кто я на свете без тебя, я без тебя ноль! Чего смеешься, я сказал что-то смешное?

Скрипка. Очень, маэстро.

Дирижер. Видишь, а раньше совсем было скверно с юмором.

Скрипка. Да, такое услышать от тебя дорогого стоит!

Дирижер. Вот и услышал. Ну так что, будем вставать! Давай, милый, давай, хороший, спускай ногу.

Скрипка. Ничего не получится. Я уже пробовал. Очень жаль, я не могу.

Дирижер. Ты всегда говорил, не могу, когда мы начинали новую вещь. У тебя такой характер, ты любишь поскулить. Но все обходилось, и сейчас обойдется. Ведь надо захотеть. И я было собрался умирать.

Скрипка. Да, я это слышал.

Дирижер. Совсем собрался. А потом решил – глупо. И живу.

Скрипка. Я тоже решил пожить, когда услышал, что ты собираешь оркестр. Но, видно, не выйдет.

Дирижер. Мне без тебя не справиться. Ты не проси первая скрипка, ты великая первая скрипка!

Скрипка. Тогда возьми в шкафу шляпу и надень ее себе на голову.

Дирижер. Зачем?

Скрипка. Чтоб снять ее передо мной.

Дирижер. Ладно, пока я буду снимать и надевать шляпу, ты посмотри партитуру.

Скрипка смотрит партитуру, Дирижер надевает шляпу.

Скрипка. Фантастика! Он окончил симфонию. Мы будем ее играть?

Дирижер. Будем играть ее и все остальное. Баха, Бетховена, Чайковского. Мы живы, и мир должен знать об этом.

Скрипка (листает партитуру). Прекрасная музыка... Будь другом, возьми мою скрипку и сыграй этот кусок.

Дирижер ставит на пюпитр ноты, берет инструмент и играет. Соло скрипки переходит в звучание симфонического оркестра.

Дирижер. Ну как?.. Правда, красиво? Почему ты молчишь?.. Тебе не нравится? (Подходит к нему, садится рядом, трогает рукой его лицо.) Вот оно, значит, как... А я не увидел. (Снимает с головы шляпу.)

Ночь. Пустая сцена. Тишина. Прислоненные к пюпитрам инструменты. Дирижер подходит к ним, слегка

касаясь пальцами, берет какой-то инструмент в руки, мимо какого-то проходит, и они отвечают ему каждый своим звуком.

Дирижер (Альту). Пожалуйста, не так громко. У тебя не болят уши?

Альт. Представь, нет.

Дирижер. А моим больно. Что ты кричишь, как пехотинцы на пожаре, у тебя пронзительный, красный звук! А нужен другой цвет, коричневый, тихий.

Альт. Ты меня всегда убирал, я знаю. Ты меня не любил. И всегда хотел запереть. Ты меня заглушал медью, а я могу так петь... И столько веков пел, и все плакали. Один император упал в обморок в старой и милой Вене, густая парковая зелень, блики солнца, белый дворец.

Дирижер. Придется забыть. Ты не в милой Вене. Другой век, голод, война. Мне нужны трубы, марш и Победа. А ты зарыдаешь один раз, очень коротко. Я разрешу вспомнить, и зарыдаешь. Быстро и тихо, как всхлип.

Альт. А потом уберешь?

Дирижер. Уберу.

Альт. Никто так и не услышит.

Дирижер. Услышат, не бойся.

Альт. Неужели тебе самому не хочется плакать?

Дирижер. Разве ты не слышишь, как я плачу?

Альт. Слышу.

Дирижер. Я плачу очень тихо. Громко сейчас будет медь, медь. Борьба и победа.

Альт. Но потом, после, в самом конце ты вернешь мне голос?

Дирижер. На мгновение да, я верну... (*Виолончели-отцу.*) Ты поднимешься надо всеми, на самый верх, одним духом, и качнешься над ними. Единственный раз.

Виолончель-отец. Я могу и не один, а долго-долго.

Дирижер. Сейчас тебя убьют, на лету. Оборвешься, и камнем вниз!

Виолончель-отец. Но ведь я еще живой! Смотри, какой я сильный. Долгий, сильный! Не так легко это – убить меня.

Дирижер. Очень легко. На пять тактов.

Виолончель-отец. Можно ведь и подольше!

Дирижер. Нет, нет! Ведь еще не победа, кто-то ведь еще должен умирать, чтобы она была, этот кто-то ты.

Виолончель-отец. Но я хочу жить! Я есть! Вот он я, я живу!

Дирижер. Замечательно! Живи. Но только мгновение. И все, это конец – и вниз!

Виолончель-отец. Я буду громко падать вниз, я не сдамся сразу.

Дирижер. Все, молчи, тебя уже нет... (*Скрипке.*) А ты почему не вступаешь?

Скрипка. Я иду после, он отзвучит, потом уже я.

Дирижер. Вы пойдете вместе. Почти сразу, он еще звучит, и ты с ним. Он упал. Сейчас ты один.

Скрипка. Не успеваю.

Дирижер. Успеешь.

Скрипка. Вот так?

Дирижер. Резче. Быстрей.

Скрипка. Но я столкнусь с ним!

Дирижер. Ну и прекрасно. Оттолкнись от него и наверх. Один. Звук холодный, пустой, зимний звук.

Скрипка. Это не мой характер. Я летний, теплый, я такой радостный. Когда-то ты играл на мне, ты сам это знаешь. Я зову людей на празднество, они меня слышат, готовы пуститься в пляс, у них начинают дви-

гаться ноги, они еще не поняли, а уже танцуют.

Дирижер. Вот в этом и дело. Ты привык звать на праздник, ты зовешь, а никого нет. Все убиты.

Скрипка. Все?

Дирижер. Да, все.

Скрипка. А для кого я играю?

Дирижер. Для них. Только ты не понял, что уже никого. Пляшешь, зовешь, никто не подхватит... (*Литаврам.*) Пожалуйста, ударь сильнее! Еще! Нет! Должно услышать воинство. Давай изо всех сил.

Литавры. Больше не могу. Больше не бывает.

Дирижер. Бывает. Ты как великан, разорвавший цепи, как Гулливер. Давай, милый, давай, хороший. Вот умница. А ну еще... еще!

Литавры. У меня разорвется грудь, мне больно! Я сейчас умру.

Дирижер. Умри! Кто тебе сказал, что ты должен жить. Да, умрешь. Но так яростно, сильно, так прекрасно. Это прекрасно, умереть в бою. Умереть и не понять, что умер.

Литавры. Может, это лучше сделать скрипачам? Они ведь так часто и почти всегда умирают.

Дирижер. Нет, очень жаль, но тебе придется сейчас умереть, а им жить.

Литавры. Всем умереть?

Дирижер. Всем.

Литавры. Какая нелепость! Умереть силе, чтобы осталась слабость!

Дирижер. Да. Упадет великан, а дитя останется жить. Разве это не прекрасно, разве не верно?

Литавры. Может, и верно, но так хочется жить.

Дирижер. Вот и сделай это. Сделай так, чтобы мы

Эдуард Абловацкий (*Дирижер*)

все узнали, как ты хотел жить... (*Флейте.*) Вы что-то сказали?

Флейта. Мы будем над ним плакать?

Дирижер. Ни в коем случае! Вы только родились, вы завтрашние, вы еще ничего не узнали. Вы улыбаетесь, вас качает солнечный луч, другие расскажут об этом, другие, и после (*Гобою.*) Наверно, это сделаешь ты. Да, ты. Только пожалуйста, сухо и просто. Без сантимента. И пожалуйста, забудь, кем ты был для людей всю свою долгую жизнь. Другой век, другая судьба. Ты летописец. Тебе не до сантиментов.

Флейта. Но ведь люди должны узнать правду?

Дирижер. Непременно.

Флейта. И заплакать.

Дирижер. Да. Но без тебя.

**Инга ГАРУЧАВА
Петр ХОТЯНОВСКИЙ**

ГЕНЕРАЛ С ДУШОЙ ПОЭТА

Вспоминается 1975 год. В ЦК Компартии Грузии идет заседание Бюро. В приемной секретарь обращается к мужчине в форме генерала: «Юрий Леонидович, вас просят войти!» В обширном зале за длинным столом президиума – члены Бюро. Эдуард Амвросьевич Шеварднадзе представляет присутствующим генерала Фотина, начальника Политуправления ВВС Краснознаменного Закавказского военного округа. Потом обращается к нему: «Юрий Леонидович, в своих документах указываете, что вы грузин. Как это понять?» – «Здесь нет никакой ошибки, – отвечал генерал. – Меня вырастила мать-грузинка и я считаю себя грузином».

Все это было сказано на грузинском языке, что стало неожиданным для присутствующих в зале.

А ничего удивительного в словах моего брата не было. Он сын Марии Авксентьевны Мегрелидзе. Наши матери – родные сестры. Мария Авксентьевна – дочь Авксентия Мегрелидзе, заслуженного деятеля искусств, орденосца, и Лидии Мегрелидзе-Мамулайшвили, известной писательницы и общественного деятеля, по ее книгам и сегодня учатся наши дети.

Кстати, мама Юры сама была учителем – преподавала географию в тбилисской 43-й школе. Годы были трудные – 30-е годы прошлого века. Родители Юры и его младшего брата рано развелись, и всю тяжесть воспитания детей, становления на ноги взяла на себя их мама. И, надо сказать, оба росли в замечательной среде.

«В нашем доме частыми гостями были Галактион Табидзе, Симон Чиковани, Иосиф Нонешвили... Жили мы небогато, но гостям бабушка была всегда рада. Мы слушали разговоры о литературе и музыке, о книгах, конечно. Незабываемые беседы, уроки нравственности и воспитания национальной гордости», – вспоминал потом мой двоюродный брат.

К тому времени семья Фотиновых переехала в дом на Цхакаевской улице. На первом этаже жила семья выдающихся мастеров грузинской кинематографии Николая Шенгелая и Нато Вачнадзе. Как и все тбилисские ребята, в те годы Юра увлекался спортом – футболом, баскетболом, потом его властно позвал боксерский ринг. Но все пересилила любовь к авиации, к летному делу, которым увлекались юноши и девушки страны. И Юра оказался в их числе. Вначале он мастерил модели самолетов в кружке авиамоделирования 43-й школы, в которой учился, проявляя хорошие знания. Потом приобретал полезные навыки в вечерней авиамотошколе в Ортачала. Надо ли говорить, что были забыты занятия в изобразительной студии. Юра на всю жизнь заболел небом, авиацией. Когда в январе сорок первого в Тбилиси открылась школа ВВС, кстати, ее возглавил директор 43-й школы Сумароков, Юра и Вадим Фотиновы, их двоюродный брат Теймураз Чочуа подали документы и были зачислены в новую среднюю авиашколу. Наш брат Теймураз погиб на фронте в возрасте семнадцати лет. Вадим стал штурманом морской авиации.

С первых дней войны питомцы школы рвались добровольцами на фронт, но получали отказ, их время еще не пришло, предстояло пройти полный курс обучения. В мае сорок второго их выпуск отправили в Астраханскую военную авиационную школу механиков. Юра – заместитель командира взвода, и уже в июле с первым эшелом школы направлен защищать Сталинград. На берегах Волги мой брат принял командование взводом в составе десантного полка 28 армии Сталинградской группировки. В начале октября – приказ вернуться с частью батальона в авиашколу в Астрахань, осваивать специальность механика новой материальной части самолетов ИЛ-2, которых ждали на фронте. Школу переводят на Алтай, где они совершенствовались свои летные знания.

В мае сорок третьего года Ю. Фотин получил направление в авиаполк 2-й воздушной армии Украинского фронта. Он успел к самому началу Курской битвы, помогал готовить к боевым вылетам штурмовики.

Рассказ о боевых буднях и годах непрерывной учебы моего дорогого брата, который в 20 лет впервые поднял самолет в небо, займет очень много места. Как уместить в страницы журнала навыки работы по авиационной технике в астраханской школе, которую он называет академией необходимых наук, в Руставском истребительном училище, летную практику на новейших машинах.

С победоносным окончанием Великой Отечественной войны продолжалась учеба Юрия Фотина – на

этот раз в старейшем летном училище страны – Краснознаменном Качинском авиационном. Он окончил с отличием и был оставлен летчиком-инструктором. Тогда осенью 1948 года состоялась свадьба его и Людмилы, которая к тому времени закончила мединститут.

В начале пятидесятых Юрию Фотинову в числе лучших летчиков было доверено освоить полеты на новых реактивных самолетах. По возвращении в училище он приступил к переучиванию летного состава на реактивной технике. Он летчик-инструктор экспериментального звена, которое впервые в практике ВВС СССР обучает курсантов летать на реактивном самолете. В составе

родского совета депутатов, поднялась на трибуну и расцеловала Юру со словами: «Кто ты, дорогой?» Как выяснилось, они чуть ли не родственники. Калбатони Нина родом из Поти, а дед Юрия, Авксентий Мегрелидзе, долгое время служил священником в местном соборе.

В 1978 году Юрия Фотинова переводят на должность заместителя начальника Политуправления ВВС СССР. В следующем году ему присваивается очередное воинское звание генерал-лейтенант. С 1990 года он, выйдя в отставку, по 2005-й год активно участвует в ветеранском движении будучи заместителем пред-

Среди слушателей Военно-политической академии

первого выпуска оказались пять (из 14-ти) воспитанников Юрия Леонидовича!

Потом была пора овладения пилотированием самолета в сложнейших условиях. В 1960 году Юрий Фотинов с отличием закончил Военно-политическую академию в Москве, он – заместитель командира полка бомбардировщиков по политчасти, служит в Северной группе войск. Ему присвоена квалификация военного летчика первого класса. А всего за время летной работы он налетал около трех тысяч часов, освоил 15 типов самолетов, совершил более 25 прыжков с парашютом.

В 1975 году, после ответственной службы политработником в Одесском, ордена Ленина Московском и Краснознаменном Белорусском военных округах Юрий Фотинов был назначен начальником Политуправления ВВС КЗакВО, с чего мы начали наш рассказ. В Тбилиси, который он так любит.

Как-то раз позвонил мне и сказал взволнованно: «Тенгиз, мне, как депутату, предстоит выступить на сессии Тбилисского городского совета по вопросам военно-политического воспитания. Продиктуй мне какое-нибудь патриотическое стихотворение. Я хочу закончить свое выступление на грузинском языке». Мне сразу вспомнился прекрасный стих Важа Пшавела «Родину у нас никто не отнимет...»

Свое выступление он так и закончил – под аплодисменты и восторженные возгласы. Нина Авксентьевна Жвания, заместитель председателя Тбилисского го-

С супругой Людмилой

седателя Совета Российского Союза ветеранов Вооруженных Сил.

Талант Юрия Леонидовича поистине многогранный: он прекрасно рисует. В свои 85 лет, живя в Москве, он – заместитель председателя Российского Комитета ветеранов войны и военной службы – занимается научной деятельностью, издает солидные научные труды. Унаследовав от бабушки, знаменитой писательницы, поэтический дар, пишет стихи, издал несколько сборников, он член Союза писателей России. Особенно трогает меня тот факт, что последний сборник издал под именем Юрия Мегрелидзе. Большой патриот родного Тбилиси, он прекрасно выразил свои сыновние чувства в поэме «Мтацминда».

Тенгиз ЧОЧУА

ЮРИЙ ФОТИНОВ

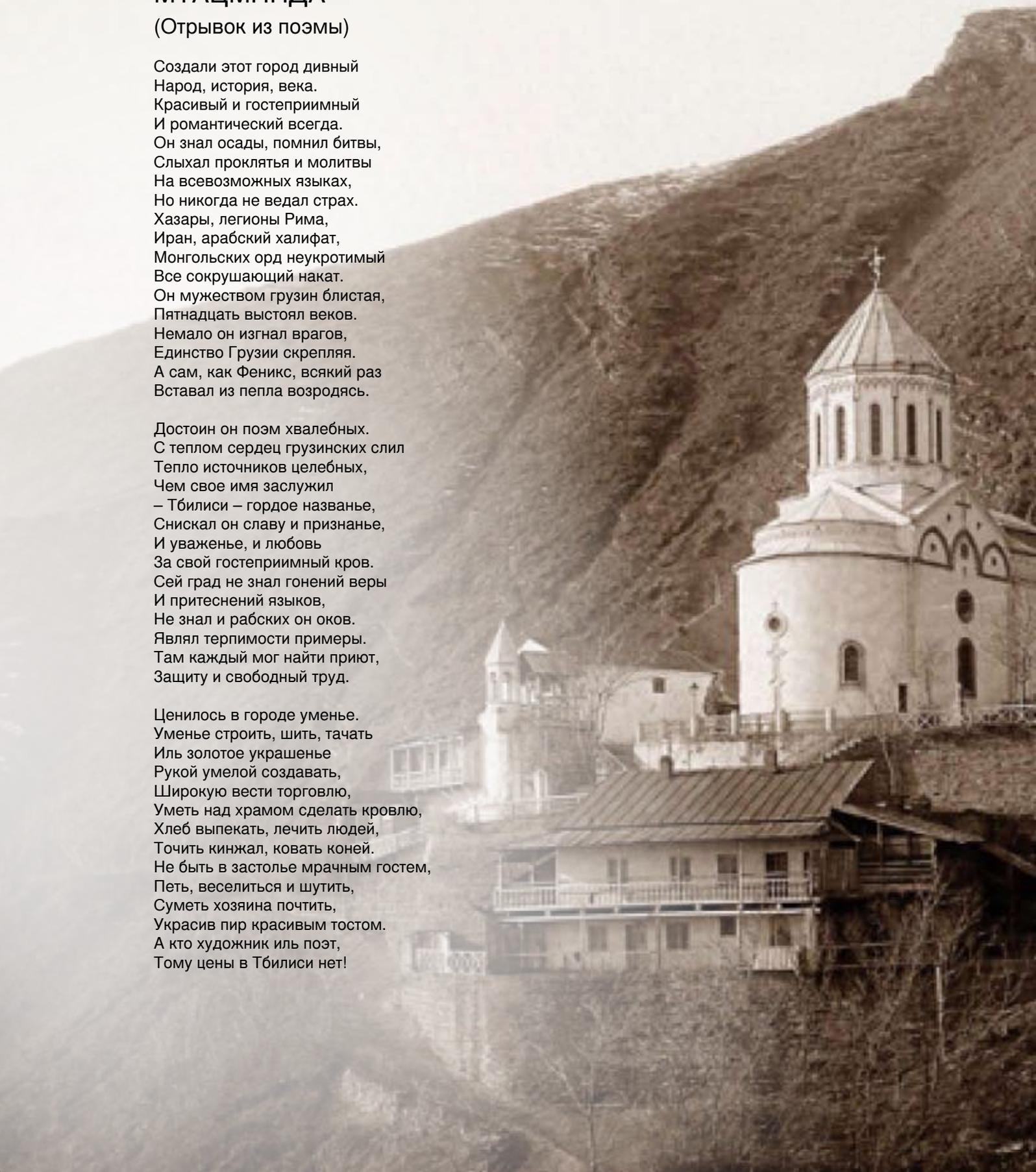
МТАЦМИНДА

(Отрывок из поэмы)

Создали этот город дивный
Народ, история, века.
Красивый и гостеприимный
И романтический всегда.
Он знал осады, помнил битвы,
Слышал проклятья и молитвы
На всевозможных языках,
Но никогда не ведал страх.
Хазары, легионы Рима,
Иран, арабский халифат,
Монгольских орд неукротимый
Все сокрушающий накат.
Он мужеством грузин блистая,
Пятнадцать выстоял веков.
Немало он изгнал врагов,
Единство Грузии скрепляя.
А сам, как Феникс, всякий раз
Вставал из пепла возродясь.

Достоин он поэм хвалебных.
С теплом сердец грузинских слил
Тепло источников целебных,
Чем свое имя заслужил
– Тбилиси – гордое название,
Снискал он славу и признание,
И уваженье, и любовь
За свой гостеприимный кров.
Сей град не знал гонений веры
И притеснений языков,
Не знал и рабских он оков.
Являл терпимости примеры.
Там каждый мог найти приют,
Защиту и свободный труд.

Ценилось в городе уменье.
Уменье строить, шить, тачать
Иль золотое украшенья
Рукой умелой создавать,
Широкую вести торговлю,
Уметь над храмом сделать кровлю,
Хлеб выпекать, лечить людей,
Точить кинжал, ковать коней.
Не быть в застолье мрачным гостем,
Петь, веселиться и шутить,
Суметь хозяина почтить,
Украшив пир красивым тостом.
А кто художник иль поэт,
Тому цены в Тбилиси нет!

ЦИЦИШВИЛИ ГЕОРГИЙ ШАЛВОВИЧ (1921-2005). ПИСАТЕЛЬ, КРИТИК, ЛИТЕРАТУРОВЕД. АКАДЕМИК АН ГРУЗИИ. АВТОР СБОРНИКОВ РАССКАЗОВ, МОНОГРАФИЙ О ГРУЗИНСКИХ ПИСАТЕЛЯХ И ВЗАИМОСВЯЗЯХ ГРУЗИНСКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУР, ТРУДОВ ПО ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ ГРУЗИНСКОЙ ДРАМАТУРГИИ, ТЕОРИИ ГРУЗИНСКОГО ТЕАТРА. В ТЕЧЕНИЕ ДЕСЯТИ ЛЕТ БЫЛ ГЛАВНЫМ РЕДАКТОРОМ ЖУРНАЛА «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ». ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ. УЧАСТНИК ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, СРАЖАЛСЯ НА ЛЕНИНГРАДСКОМ ФРОНТЕ. ЗАКОНЧИЛ ВОЙНУ В ЗВАНИИ ПОЛКОВНИКА. СВОЙ СБОРНИК РАССКАЗОВ «ЛЮБОВЬ ПОРЫ КРОВАВЫХ ДОЖДЕЙ» ПОСВЯТИЛ СОВРЕМЕННОЦАМ – ГЕРОИЧЕСКИМ ЖЕНЩИНАМ, УЧАСТНИЦАМ ВОВ. МЫ ПУБЛИКУЕМ В СОКРАЩЕНИИ РАССКАЗ Г.ЦИЦИШВИЛИ «ДОЛЬШЕ ВСЕГО ЖИВЕТ НАДЕЖДА».

ДОЛЬШЕ ВСЕГО ЖИВЕТ НАДЕЖДА

Я вошел в подъезд. Стены с обвалившейся штукатуркой и толстый слой грязи на ступеньках говорили о том, что сейчас не до уборки. Я мог только догадываться, что лестница, по которой поднимаюсь, не черная, каменная, а из белого мрамора.

Одним духом взбежал я на пятый этаж и остановился перед внушительной дверью.

На двери красовалась белая эмалевая табличка. На табличке стилизованными под древнерусские буквами было выведено: «Вукол Силантьевич Бакунин». В удручающей грязи и запустении подъезда эта белая табличка показалась мне особенно чистой, я долго не мог отвести от нее глаз.

После короткого колебания протянул руку к электрическому звонку, но вовремя вспомнил, что Ленинград давно уже лишен электроэнергии, и хотел было стучать кулаками, но и этого сделать не осмелился. Наконец кое-как я преодолел свою робость и тихонько постучал.

За дверью ни звука.

Переждав немного, я снова постучал, потом еще и много раз еще, но до меня не доносилось и шороха.

И.Тарба, О.Баканидзе, Г.Цицишвили, Н.Думбадзе, И.Богомолов, Ф.Халваши

Тогда я стал стучать кулаком.

Прислушавшись и опять ничего не услышав, я забарабанил снова. И снова за дверью – тишина.

В отчаянии я заколотил кулаками по безмолвной дубовой двери, а потом, повернувшись спиной, начал бить ногами. Мысли, одна другой ужаснее, завертелись у меня в голове, и я с яростью отгонял их, как

Георгий Цицишвили

жалящих оводов.

Вдруг мой обостренный слух уловил слабый, едва различимый шум. Мне показалось, будто где-то в глубине квартиры отворилась дверь, затем вторая поближе, и вот к дверям, под которыми я стоял с колотящимся сердцем, кто-то приблизился медленными нечеткими шаркающими шагами.

– Кто там? – раздался слабый, бессильный и безжизненный голос. Никаких эмоций не выразилось в этом незнакомом для меня голосе.

– Мне надо видеть Лиду Каверину...

– Кто там? – повторили таким угасшим голосом, в котором по-прежнему не прозвучало никакого интереса, никакой надежды, ничего живого. Такой голос бывает лишь у глубоких стариков, чьи дни сочтены и которые говорят лишь в крайней нужде.

«Наверное, это ее старая тетка, о которой говорила соседка», – подумал я и, чтобы слова мои звучали отчетливей, приблизил губы к замочной скважине и крикнул:

– Я друг Лиды, приехал ее повидать, откройте, я все вам объясню.

– Кто это? – В интонации слабого голоса на этот раз я уловил едва заметный интерес.

– Я друг Лиды, бога ради, отойдите от двери, – взмолился я и, стремясь заручиться доверием старухи,

крикнул: – Вы, верно, тетка Лиды?

За дверью опять все погрузилось в тишину. Женщина долго молчала, я даже подумал, она пошла за Лидой, но нет – шагов не слышно, она стояла там же.

– А вы кто будете? – по-прежнему тихо, но уже с несомненной заинтересованностью спросила наконец она.

Я назвал себя, стараясь как можно разборчивее выговорить имя и фамилию. «Если про меня знал Балашов, может быть, и она краем уха слышала...» — обнадежил я себя.

И опять наступило молчание, на этот раз более длительное.

Я, конечно, долго не выдержал:

– Будьте добры, откройте, у меня дело к Лиде.

– И, чтобы как-то ее заинтересовать, добавил: – Я и с вами хотел бы переговорить...

– Говорите оттуда, если вам есть что сказать, — еле различил я очень тихие, глухие слова.

– Отсюда?.. Но я не могу так...

– Зачем вам Лиды?

Ах, эти тетушки, такие дотошные, во все они должны сунуть свой нос, все им надо знать! И, чтобы не выдать своей досады, я заговорил как можно проникновеннее:

– Видите ли, я приехал издалека, с Волховского фронта, я ее старинный знакомый... мне необходимо повидаться с ней...

– Но для чего? – уже настойчивее спросили из-за двери.

– Как то есть для чего?! – потерял я терпение. – Я столько времени вас упрашиваю, а вы никак не хотите внять моим мольбам и повторяете одно и то же!

Я готов был сказать еще что-то, но сдержался, испугавшись, что старушка может разгневаться и вовсе отойти от дверей. Но она не рассердилась, а продолжала свои расспросы:

– Откуда вы узнали, что Лиды живет... – у нее осекся голос, она передохнула... – что Лиды живет здесь, у меня?

– Мне сообщил это ее бывший супруг.

– Кто?

– Аркадий Балашов.

– Он обманул вас! – с неожиданной поспешностью ответила она.

– Как это обманул?!

– Очень просто: Лиды уехала...

– Куда?! Куда она уехала? – вскричал я и прикинул к двери. С ответом медлили. Наконец, когда я уже изнемог от нетерпения, раздалось едва слышно:

– Лиды уехала в Кронштадт...

– Какой ужас! – вырвалось у меня, ведь я знал, что легче мне было попасть на Северный полюс, чем в Кронштадт. – Но вы хотя бы знаете ее адрес?

– Она не оставляла адреса, – чуть слышно прошепел ответ.

На меня навалилась нечеловеческая усталость. Я опустился на ступеньку. Она была ледяная, эта мраморная ступенька. Холод мгновенно проник сквозь одежду, но я продолжал сидеть. Не было ни сил, ни желаний двигаться. На мгновение я вовсе забыл, что за дверью кто-то есть. Но она сама напомнила мне о себе:

– Товарищ... друг мой, вы ушли... или вы все еще здесь?

– Я здесь.
– Отчего же вы все стоите?
– Уйду... я уйду... но прежде откройте мне дверь, я хочу вам что-то передать.
– Что вы хотите передать?
– Кое-какие продукты... самую малость... Она молчала долго. И я молчал.
– Прошу вас, не обижайте меня отказом, поверьте, это от чистого сердца, – заговорил я.

За дверью продолжали молчать. Видимо, она колебалась. Но для измученного беспощадным голодом живого существа искус оказался непосильным. Я услышал, что она отпирает двери. Загремели засовы, щелкнули замки, и дверь стала медленно открываться.

Страшный запах сырости и затхлости, пахнувший на меня из темной прихожей, на мгновение заставил меня отпрянуть назад.

В прихожей было настолько темно, что некоторое время я не мог разглядеть, кто стоит передо мной.

Когда глаза привыкли к темноте, я увидел согбенную старуху, страшно худую, до невозможности худую, которая пристально и пылливо вглядывалась в меня.

Белые как снег, редкие спутанные волосы какими-то клочьями спадали на костлявые плечи; на тонкой высохшей шее – худое, с кулачок, лицо, вместо щек – провалы... Скулы, обтянутые пергаментной кожей, резко выделялись. Словом, это был череп, эмблема смерти, как принято ее изображать.

Было заметно, что несчастная только что поднялась с постели.

На плечи накинута какая-то ветошь, от пояса до самого пола ниспадала рвань, бывшая когда-то пледом. Видимо, так, не раздеваясь, лежала она в постели и ждала смерти.

Кто знает, сколько дней и ночей пролежала она, не имея ни крошки во рту, изнемогая от голода и холода, не поднимаясь, потому что уже не было никакого смысла вставать с этого ложа.

...Она стояла, одной рукой опираясь о косяк двери. Бедная женщина настолько обессилела и ослабла, что без этой опоры просто упала бы там же, на пороге. И смотрела на меня так пристально, что я почувствовал неловкость.

Но более всего поразили меня ее глаза. Они не были потухшими, какие бывают обычно у древних старух, и странно сверкали. «Бедная, – подумалось мне, – это, верно, агония...»

– Входите, пожалуйста. – И, отняв руку от двери, повернувшись, но от слабости покачнувшись и, не подержав я ее за руку, наверняка упала бы.

Рука была хрупкая, тоненькая, как щепочка. Я испугался, что эта ее рука может переломиться в моей. Щемлящая жалость к обреченному на голодную смерть человеку сжала мое сердце.

Еле волоча ноги, неверными шагами брела она, опираясь на мою руку, по затхлому коридору. Мы вошли в большую мрачную комнату. Заметив стоящий при входе стул, я хотел было усадить ее, но она склонилась и сама, уже без моей помощи, направилась к столу посреди комнаты. Держась за край стола, добрела она до противоположного конца стола и, окончательно обессилев, не села — упала на стул.

Несколько секунд протекли в молчании.

Я огляделся и снова остановил взгляд на старухе.

Она сидела, подперев подбородок ладонью, и молча глядела на меня.

Мне вспомнилась моя бедная бабушка, которая вот так же могла пристально смотреть. Сердце мое преисполнилось неизъяснимой жалости.

Я плохо видел лицо хозяйки дома: она сидела спиной к окну, а я лицом. Свет, падавший из окна, мешал мне. Вероятно, она умышленно распределила стулья между нами таким образом.

Она сидела безмолвно, тихо, казалось, и не дышала. Но глаза ее по-прежнему блестели, они излучали какой-то необыкновенный фосфоресцирующий свет, совсем как глаза кошки в темноте.

От ее упорного взгляда мне стало не по себе. Не выдержав, я встал. Положил на стол вещмешок и принялся его развязывать.

Глаза старухи засветились еще ярче, мне показалось, что она шевельнулась в нетерпении, но тотчас взяла себя в руки и продолжала сидеть неподвижно, как изваяние.

На какой-то миг я с испугом подумал, вдруг она умрет у меня на глазах. Бедняжка продолжала сидеть все в той же позе, только смотрела сейчас не на меня, а на вещмешок.

Чтобы нарушить неловкое молчание, я спросил:

– Так вы наверняка знаете, что Лида в Кронштадте? – Она подняла на меня глаза и смотрела не отрываясь.

– Да, – едва слышно промолвила моя собеседница и вдруг трянула головой совсем так, как делала это Лида, отбрасывая назад волосы.

«Видно, в свое время тетка с Лидой были похожи».

– Как она там, интересно? – словно про себя проговорил я.

Но вот чудо: памятная мне, только сейчас очень слабая вымученная улыбка тронула изможденные черты, и тут я снова увидел в ней что-то до боли знакомое.

– Лида чем-то похожа на вас.— Я пристально поглядел на нее.

Она улыбнулась той же вымученной улыбкой. Бесцветные губы на мгновение разомкнулись, и я понял, что у нее не осталось ни одного зуба.

Эта улыбка возбудила во мне новый прилив сострадания и жалости, я торопливо выложил из вещмешка консервы, хлеб, колбасу, немного сахара — все, что я смог приберечь, и собрался уходить.

Старуха остановила меня движением руки.

– Благодарю вас за подарок... У меня к вам большая просьба: не забывайте Лиду...— Голова у нее затряслась, она уперлась обеими руками в стол, пытаясь встать, но не сумела. Силы окончательно покинули ее.

– Прощайте, – проговорил я в крайнем волнении и не вышел – выбежал из комнаты.

Сильным рывком растворил полуприкрытую тяжелую входную дверь и, с силой же захлопнув ее за собой, спустился по лестнице.

Когда я проходил мимо окошка, давешняя старуха в очках, словно поджидая меня, распахнула форточку и крикнула:

– Ну что, видел Лиду?

– Нет, – отозвался я, – она переехала в Кронштадт, меня встретила ее тетушка...

– Чего, чего? – прервала меня старушка.— Обожди-ка, милый, я сейчас выйду.

Она и вправду вышла ко мне и с удивлением переспросила:

– Кто, говоришь, в Кронштадт переехал?

– Лида, – ответил я, несколько озадаченный.

– Господи, прости, – проговорила старушка и перекрестилась. – Да разве ж она могла в Кронштадт уехать, уж такая плохая, вот-вот душу богу отдаст. — Подняв голову, она поглядела на окна пятого этажа.

– Что это вы говорите? – ужаснулся я, и досада охватила меня. – Ведь получилось, что тетка не допустила меня к Лиде, выставила ни с чем... Но почему она так поступила? — Я направился было обратно, чтобы снова взбежать по той же лестнице на пятый этаж.

– Постой, постой, сынок, – засеменила за мной старушка, – какая там еще тетка, об ком это ты говорил?

– Да Лидина тетка! Которая дверь мне открыла и сказала, что Лида переехала в Кронштадт!..

– Ох, да тетка-то ее, Мария Федоровна, четыре месяца как в сырой земле лежит!

– Так кто же была та старуха, которая со мной говорила? – вскричал я, чувствуя, как у меня в жилах застывает кровь.

– То ж сама Лида и была, сынок!.. В глазах у меня потемнело.

– Ну да, она и была, Лида. Не признал? Да уж куда там, конечно, не признал, ведь этакая красавица была, голубонька, а во что обратилась... Э-эх, миленький, люди сами на себя теперь не похожи, нет, не похожи!..

Ничего больше я не слышал. Сорвавшись с места, понесся к подъезду Лиды. Я бежал, не чуя ног. Одним духом взлетел по лестнице и остановился перед той дубовой дверью, которая опять была заперта.

– Лида! Лида! – кричал я, не помня себя, и что было мочи колотил в дверь.

Ни звука не раздавалось изнутри.

– Лида, Лида, отвори мне дверь, на одну лишь минуту отвори!..

Убийственная тишина была за дверью.

– Знай, я не уйду, Лида, я шагу отсюда не сделаю, я пробуду здесь всю ночь! Лида, не бери грех на душу, открой!..

Тишина... Тишина... Тишина...

– Товарищ командир, товарищ командир! – послышался голос снизу.

Перегнувшись через перила, я взглянул вниз.

Старушка в очках стояла на площадке нижнего этажа и махала мне рукой.

– Сойдите сюда, я до верху не доберусь, ноги не слушаются,— просила она.

Я спустился.

– Послушайся старую женщину, как мать тебе говорю: не ломись к ней. Может, и не хочет Лида перед тобой показаться, стыдится своего вида. Оставь ее, пощади, ей своего горя хватает. Приходи в другой раз, завтра, послезавтра приходи... коли будет на то воля божья, помогу я тебе с ней свидеться... А сейчас ступай себе с миром, сынок. Уходи... Я живу в соседнем дворе, а окошечко, из которого я тебя углядела, это наша дежурка, значит, понял?.. Ступай, ступай, храни тебя Господь...

Я очнулся, вскинулся.

– А вдруг за это время с ней что-нибудь случится? Она такая слабая...

– От своей судьбы не уйдешь. Но бог милостив... ежели захочет он вашей встречи... – Она, не договорив, осенила себя крестом.

По сей день не вспомнить, как я очутился на Лиговке...

Когда я вошел в пустую обшарпанную комнату Кустова, она уже не казалась мне такой унылой и мрачной.

Трое наших шоферов и взводный с азартом стучали костяшками домино.

Ребята сняли с грузовой автомашины маленькую печурку, втащили в дом, разожгли припасенными еще в части дровами. В комнате стало тепло. Время от времени, встав на колени перед печуркой, кто-нибудь из ребят ворошил огонь, подкладывая поленце.

Кустова еще не было.

Меня позвали играть, но я отказался. Подняв воротник полушубка, я улегся в том же углу, где провел минувшую ночь.

Закрыв глаза, и недавние картины поплыли передо мной. Мне страстно захотелось увидеть в согбенной седоволосой старухе с запавшими щеками ту обворожительную, прекрасную, жизнерадостную женщину с гордой осанкой, плавной походкой, с упругим и красивым молодым телом, женщину, при взгляде на которую у мужчин начинала бурлить кровь.

Но нет, не смог я сблизить эти столь разные облики одного и того же человека.

...Привиделся мне мой любимый Зеленый Мыс, сверкающий в лучах южного солнца, утопающий в буйной зелени, благоухающий, пьянящий всех и хмельной сам... Опять увидел я лазурь высокого неба и тихую гладь дремотного моря... Лида выходит из воды, белокурые локоны подхвачены голубой косынкой... купальник в голубую полоску подчеркивает ее стройность... Она направляется ко мне смеясь, обеими руками держа прозрачную медузу, которой намерена напугать меня... А я лежу на горячем песке, и сердце мое полно сладостного блаженства...

– Товарищ майор, наши документы уже у меня в кармане, мы отправляемся за машинами. Ждите нас здесь.

Это капитан Кустов. Он вернулся из штаба. Ребята собираются.

Печурка погасла. В комнате холодно. Короткий зимний день догорел, вот-вот стемнеет.

– Хорошо. – Я поворачиваюсь на другой бок, натягиваю повыше воротник, плотнее закутываюсь в полушубок. Силюсь вернуть ускользнувшее видение, но Кустов сводит на нет все мои усилия.

– Возможно, нам придется ехать ночью, – говорит он, – необходимо подготовиться. Я прихватил с собой картон, он лежит в нашем фургоне. Надо нарезать из него круглые щиты на машинные фары. Вы, верно, знаете, как маскируют фары?

– Знаю, – сквозь зубы подтверждаю я.

Стремительно наступает ночь. День прошел, а мне не хочется ни есть, ни пить.

Спускаюсь на улицу, где у самого тротуара стоит наша машина, забираю картон из кузова; ниткой, которая вместе с иглой хранится в подкладке моей шапки, вымеряю диаметр фар, потом возвращаюсь обратно

в комнату и начинаю нарезать кругами картон...

У меня нет сил думать.

...Ночью, когда я прибыл на батарею, Астахов чуть не задушил меня в объятиях. Словно мы год не видались.

– Ну, брат, я тебе такое скажу, только держись! – заявил он.

Его сообщение действительно взволновало меня: из политуправления под строгим секретом сообщили, что в середине января единым ударом Волховского и Ленинградского фронтов мы должны прорвать блокаду и освободить замученный город из тисков врага.

До назначенного срока оставалось совсем немного времени.

Произошло все так, как сказал Астахов: 12 января 1943 года в девять тридцать началась артподготовка, в которой участвовала и моя батарея.

На участке фронта наших двух армий – 2-й Ударной и 8-й – одновременно грянули более двух тысяч пушек, а несколько сот выдвинутых на передовую черту дальнебойных орудий прямой наводкой ударили по вражеским позициям. Земля и небо содрогались от оглушительного грохота.

Артподготовка длилась уже более двух часов. И с каждым новым залпом лица моих ребят становились все более ликующими, вопреки опасностям и усталости. Стволы орудий так накалились, что нельзя было до них дотронуться.

Запас снарядов стремительно таял. От пустых патронов, сгрудившихся у орудий, поднялся пар.

Координаты стрельбы, передаваемые с командного пункта, все время менялись, и, выкрикивая цель, я совершенно осип.

Цель перемещалась в глубь линии обороны немцев, а значит, наши части успешно продвигались вперед и, возможно, где-то уже прорывали вражеские позиции.

По прошествии примерно трех часов командир полка с особым подъемом отдал приказ: «Ласточка», – это было шифрованное наименование моей батареи, – на колеса и – вперед!»

И мы пошли!

Мы снялись с мест, завоеванных ценой смертельных боев почти полтора года назад, оставив за собой рубежи, омытые шестнадцать месяцев назад потоками крови.

Мы шли к земле, на которую мечтали вступить ежедневно, ежедневно, мы шли в Ленинград!..

Все были охвачены таким страстным единодушным порывом, что двадцатиградусный мороз был нам ни о чем – мы не ощущали его. Мы прошли узким коридором, пробитым нашей артиллерией и авиацией среди проволочных заграждений, и преодолели первую линию обороны противника.

Особенно доблестно поработали наши атакующие части: фашистские окопы были разворочены, на брустверах – навалом земля. Изрешеченный разрывами мин и снарядов снег щедро засыпан черной смерзшейся землей. Все это безмолвно повествовало о смертоносном урагане, пронесшемся здесь. Повсюду валялись трупы гитлеровцев. Медперсонал оказывал помощь раненым бойцам.

Стоял адский гул, от которого глохли уши. Гремели орудия, трещали пулеметы, шумели моторы.

Вместе с нами по проложенным на скорую руку дорогам пыхтя двигались транспорт и техника. Везли орудия, ящики со снарядами и самые разные другие грузы. Вразнобой шагало свежее пополнение – подразделения стрелковых частей. Все стремилось, рвалось вперед. «На Ленинград!» – белыми буквами написали мы на стволе огромного дальнебойного орудия.

Гитлеровцы оборонялись с яростным ожесточением. Почти неделю длились кровопролитные бои.

По прошествии шести дней с начала наступления, шести страшных, трудно представляемых дней, утром восемнадцатого января по солдатскому «телеграфу», самому надежному и быстрому среди средств связи – из уха в ухо, прилетела весть: передовые части

Ленинградцы в блокадные будни

Ленинградского и Волховского фронтов соединились! Блокада Ленинграда прорвана!

В те дни все мы ходили как пьяные, все мы только и поздравляли друг друга с победой.

Недели две спустя, когда мы расположились на новых позициях и бои немного поутихли, стало известно, что на отвоеванной у врага узкой полосе земли около семи-восьми километров шириной со дня на день будут проложены рельсы и в Ленинград побегут составы.

И вправду, очень скоро в Ленинград отправился

первый поезд.

С этого времени я потерял покой. Я думал только о том, как бы мне попасть в Ленинград и повидать Лиду.

Месяца через два после прорыва блокады наш отдельный артиллерийский полк, который относился к так называемому Резерву Главного Командования и передислоцировался с одного участка на другой (вследствие чего подчинялся то одному общевойсковому соединению, то другому), был переброшен в распоряжение Ленинградского фронта, так что однажды мы очутились в небольшом поселке под Ленинградом.

Об этом я не смел и мечтать: моя батарея стояла в пригороде Ленинграда!

И вот я дождался желанного дня. Закончив свои дела, светлым утром, когда в воздухе уже веяло весной, когда под защитой елей и сосен голубели последние снега, а кое-где появились на солнышке проталины, я сменил валенки на новые яловые сапоги, уложил в вещмешок свой офицерский паек (несколько банок консервов, буханку хлеба, немного сахара) и зашагал по дороге, ведущей в Ленинград.

Город начался как-то внезапно. И так же внезапно открылись раны, нанесенные ему обстрелами и налетами врага.

Среди полуразрушенных домов лежали груды битого кирпича и разных обломков. В кирпичных красных стенах, как чудовищные клыки, торчали деревянные балки, местами обугленные, местами контрастно светлые...

В кучах мусора и обломков валялись предметы до-

машнего обихода. Чего только здесь не было: спинки кроватей, ножки столов, развалившиеся стулья, письменные столы, дверки старинных резных буфетов, обломки зеркал, рамы для картин...

Все утратило свой первоначальный облик, все было обращено в мусор, в прах и являло страшную картину разрушения.

Я шел мимо этих ужасных курганов, этих немых свидетелей небывалого бедствия, и дрожь пробирала меня.

Разве узнать, сколько жизней оборвалось здесь, сколько заживо похороненных под этими грудями кирпича и камней! У меня было такое чувство, словно я шагаю по мертвым телам.

Шел я по удивительным улицам Ленинграда, смотрел на его искалеченные дома и руины и поражался тому, что, несмотря на страшные разрушения, на небывалое разорение, город сохранил свою гордую суровую красоту. Он изумлял строгим величием, стройностью, всем своим неповторимым, лишь ему одному присущим обликом. Я шел и созерцал этот город, то восхищаясь, то ужасаясь картинам, открывающимся передо мной.

Но о чем бы я ни думал, на что бы ни глядел, моя главная дума ни на минуту не покидала меня. Лида... Как она встретит меня? Захочет ли видеть? Как она сейчас себя чувствует? Ведь снабжение Ленинграда улучшилось.

Особенно трудно было вообразить первые минуты нашей встречи. Как это будет? Как я должен себя вести? Чем ближе подходил я к ее дому, тем невыносимей были мои терзания.

Город уже начали расчищать. С приближением к центру мне все чаще встречались люди с ломками, лопатами, кирками. Работали группами. Все больше женщины в ватных штанах и куртках.

Я наконец увидел созидание, увидел, как люди трудятся, хотя до мира было еще так далеко.

Немцы продолжали стоять всего в двадцати километрах от Ленинграда. Он все еще оставался в осаде, и вражеская артиллерия на дне несколько раз обрушивала огонь на его улицы и площади, а немецкие самолеты по нескольку раз в день навещали его.

Но те женщины с кирками, пусть неумелые, пусть слабые, все же обнадежили и ободрили меня.

...Вот уже и семнадцатый номер, рядом дом номер девятнадцатый, а рядом... ..Постой, постой!.. Что же это? Разве не здесь должен быть дом двадцать один? А здесь пустырь... И какие-то развалины...

Наверняка я что-то напутал!

Я бегу обратно, к началу улицы, прохожу ее снова, тщательно проверяю номера домов. И вот опять семнадцать, девятнадцать...

Где же двадцать один?! Может быть, я перепутал улицу?

Я бегу как угорелый назад, к перекрестку, читаю табличку: «Четвертая Советская»...

Мелькнувшая страшная догадка раскаленным железом пронзила мозг. Я вдруг лишился сил и прислонился к стене. Совсем так, как Лида тогда прислонилась к дверному косяку... Ее дома не существовало!

Георгий ЦИЦИШВИЛИ
Перевела Камилла-Мариам КОРИНТЭЛИ

18 лет он придумал механическую щетку для чистки коней, а в 1937 году в 25 лет первым в Советском Союзе изобрел автомат по продаже газированной воды. Целую неделю он стоял на одной из площадей Харькова, а к нему тянулась бесконечная очередь людей, пораженных чудом техники.

Летом 1941 года мы отдыхали в Гаграх. В первые же дни войны моего отца, лейтенанта запаса, отправили на переподготовку в Вазиани. Его товарищи, как только узнали, что молодая женщина с маленьким ребенком осталась без своего угла (вернуться в оккупированный Харьков мы не могли) стали наперебой предлагать свои квартиры. Так пять лет мы прожили в Тбилиси у друга отца – геолога Николая Чолокашвили.

Друзья - однополчане

Учения в Вазиани. 1941

Отцу, как известному изобретателю, предложили бронь и работу в Тбилисском артиллерийском училище и комнату, он отказался: «Мне, молодому и здоровому, стыдно будет ходить по городу!»

В Вазиани он работал над линией непрерывного огня и мечтал опробовать ее в бою. В начале декабря 1941 года в составе грузинской дивизии отец прибыл в Севастополь. Стоя на подножке отходящего поезда, он крепко прижимал к груди рулоны с чертежами. «Это

спасет нас!» – успел сказать маме. Шесть с половиной счастливых лет, несколько месяцев переписки и верность на всю оставшуюся жизнь – мама разделила судьбу многих женщин своего поколения. Она часто перечитывала письма с фронта. Они и сегодня хранятся у меня, в них и на выцветших фотографиях папа остался навсегда тридцатилетним, нашей опорой, нашим защитником.

Многие письма не датированы и выдержки, которые я впервые публикую, даны не в хронологическом порядке. Я попыталась сохранить настроение, которым они пронизаны. И перемежаю их отрывками из книги Игоря Неверова «Севастополь», изданной в Москве в 1983 году в серии «Города-герои».

«Приехали сегодня рано утром. Были в море двое суток. Ужасно качало и было холодно, но приехали благополучно. Итак, мы сейчас находимся в действующей армии. Пока отдыхаем, но скоро пойдём в бой».

Начало декабря 1941 года.

«Уже третий день, как я нахожусь на передовой. Даже вчера стрелял из орудия. Успел привыкнуть к фронтовой жизни. Единственное, что меня волнует: как вы там живете? Если бы я часто получал от вас письма, я был бы счастлив. Я прекрасно себя чувствую. Надеюсь, что скоро увидимся. Целуй Белуську. Скучаю по вам ужасно!»

«Я уже несколько дней на фронте. Оказывается, ничего страшного!»

«Дорогие мои! Мы значительно отделились друг от друга, но мы еще будем вместе! Не волнуйтесь, все будет хорошо».

«Если сможешь, сфотографируйся с Белуськой и пришли мне снимки, чтобы я не забыл ваши «мордочки».

«Сейчас сидим в блиндаже, играет патефон. Хорошие пластинки. Танцевальные... Вообще, живем неплохо».

«Меня радует, что вас навещают мои вазианские друзья».

«Нет слов передать мою радость, когда я получаю ваши письма».

«У меня все благополучно. Уже успел побывать в переплете и могу сказать, что ничего страшного нет. Трудно было в первые дни, теперь уже привык ко всему. Живу я в теплой землянке. Нас ни один снаряд не пробьет! Словом, живем как дома. Только очень скучаю по вам. Вы мне часто снитесь».

6 февраля 1942 г.

«Уже окончательно свыкся с фронтовой жизнью. Вначале было как-то страшно. Всюду рвутся снаряды, свистят пуля...

Все думал, вот здесь моя смерть, но теперь без этой музыки даже скучно становится. Живу весело, хорошие товарищи. Нам прислали подарки от трудящихся Грузии. Так была приятна забота о нас! Возможно и ты участвовала в этих подарках...»

26 февраля 1942 г.

«В самом начале штурма основной удар принял на себя 514-й стрелковый полк подполковника Устинова из 172-й дивизии полковника Ласкина. Гитлеровцам

после нескольких атак, поддержанных сильным артогнем, удалось занять траншею одной из рот батальона, которым командовал лейтенант Доценко. Занять?!.. Фашисты просто вползли в траншею, в которой не было ни одного живого бойца. Вся рота полегла в этом неравном бою, устелив подступы к своим окопам сотнями вражеских трупов. Когда раненый комбат Доценко получил приказ отойти на запасной рубеж, его батальон насчитывал... тридцать бойцов. «Стоять насмерть!» – слова эти не упоминались в боевых приказах наших войск под Севастополем. Они просто стали нормой поведения защитников города.

В ночь на 13 июня поступила радиограмма: «Вице-адмиралу Октябрьскому. Генерал-майору Петрову.

Горячо приветствую доблестных защитников Севастополя – красноармейцев, краснофлотцев, командиров и комиссаров, мужественно отстаивающих каждую пядь советской земли и наносящих удары немецким захватчикам и их румынским прихвостням.

Самоотверженная борьба севастопольцев служит примером героизма для всей Красной Армии и советского народа.

Уверен, что славные защитники Севастополя с достоинством и честью выполнят свой долг перед родиной.

И. Сталин»

«Моя дорогая дочурка 20-го именинница. Могу я тебе пожелать, моя дорогая Белусинька, много-много счастья и радости в твоей жизни! Будь всю твою жизнь здорова и не знай того горя, которое нам сейчас приходится переживать...»

4 марта 1942 г.

«У меня все благополучно. Сегодня мне дали колоссальное повышение по должности. Постараюсь доверие оправдать. Встречаю своих друзей по Вазии. Почти весь мой взвод находится здесь. Как бойцы были рады мне!»

Март 1942 г.

«Получил сразу шесть писем. Особенное удовольствие получил от Белуськиных каракулек. Мне все не верится, что она уже пишет. Наверное, ты водила ее ручку. Ты ей достань бумагу, пусть пишет и рисует не на дверях и стенах!»

«Одной из лучших дивизий в Приморской армии по праву считалась 172-я. Ею бессленно и талантливо командовал полковник И.А. Ласкин, комиссаром был П.Е. Солонцев. Первые два штурма дивизия стойко сражалась на южном фланге, а накануне третьего, когда определилось направление главного удара немцев, командование армии решило перебросить 172-ю на участок перед Северной стороной. На нее-то, как и на бригаду морской пехоты полковника В.С. Потапова и пришелся в течение первых трех дней остревенелый удар превосходящих сил фашистов. Еще до начала атаки на позиции дивизии упало столько бомб и снарядов, что, казалось, никто там не мог уцелеть. Плотность огня была такой, что все чаще случались прямые попадания вражеских бомб и снарядов в траншею. Немцы пошли в атаку оголтело, во весь рост, горланя песни... Но вдруг перепаханная бомбами и снарядами крымская земля, над которой вторые сутки висела, не успевая осесть, черная пелена пыли и дыма, полыхнула в фашистов дружным пулеметным и ружейным огнем.

Вот что писал в политдонесении комиссар 172-й П.Е. Солонцев: «Личный состав героически сражается с врагом... Вся долина Бельбека устлана трупами не-

мецких солдат и офицеров... только первый батальон 747-го сп истребил около тысячи гитлеровцев».

«Только первый батальон...» Тут необходимо представить, что батальоны-то зачастую равнялись по численности ротам, а то и взводам. Когда через несколько дней командованию армии пришлось сменить дивизию Ласкина резервом – 345-й дивизией полковника Гузя, в лучшем полку – 514-м ласкинской дивизии – в живых оставалось всего полтора человека. Не было в строю ни командира полка И.Ф. Устинова, ни его заместителя комиссара О.А. Караева. Как они погибли? Прямое попадание бомбы или снаряда в командный пункт? Шальная пуля? Ничего подобного... Командир и комиссар пали в ближнем бою, отражая атаку вражеских танков на свой наблюдательный пост. В ближнем бою, отбиваясь от фашистов гранатами, пали командир 747-го стрелкового полка В.В. Шашло и сменивший своего раненого командира начальник штаба 134-го артополка К.Я. Чернявский. Защищая командный пункт 172-й дивизии, погиб начальник ее штаба М.Ю. Лернер. Потери не только среднего, но и старшего командного состава были исключительно велики. Да это и не удивительно – всякие уставные положения об удаленности наблюдательных и командных пунктов от первой линии обороны во время третьего штурма Севастополя были перечеркнуты условиями севастопольского фронта, многократным превосходством врага в боевой технике и живой силе. Нередко КП дивизии находился в 100-150 метрах от передовой. Это диктовалось обстановкой. При столь густой насыщенности вражеского огня рвались телефонные провода, даже проложенные по дну траншеи, и терялось управление полками и батальонами.

Из книги И.Неверова «Севастополь» (Симферополь. 1981 г.)

«За меня не беспокойся. Но если что-либо и случится, в этом не будет ничего удивительного. Я не раз бывал в таких условиях, что трудно было не поверить в чудо. И все же задания выполнял успешно и, как видишь, остался жив. Теперь не время думать о своем благополучии».

17 мая 1942 г.

«Письма от тебя получаю часто, иногда получаю пачками, 3-4 письма сразу».

27 мая 1942 г.

«Скоро врагов уничтожим и будем жить, как жили раньше».

Нам папины письма хранить и хранить...

Святая не рвется та тонкая нить!

И письма кричат: «Я вернусь!», «Я вернусь!»

Седа все письма окутала грусть.

В тумане рассветом твой образ возник...

Ах, если б вошел ты сейчас, хоть на миг!

Сказал бы, волнуясь: «Родные мои!»

Как рвался я к вам, но гремели бои...

Я все представлял: постучу, разбужу,

Жену и дочурку схвачу, закружу,

Губами, глазами к слезам их прижмусь,

Мужскими слезами я сам захлебнусь!

И вновь через годы твой образ возник...

Ах, если б вошел ты сейчас, хоть на миг!

Сказал бы, печально: «Вернулся я к вам...»

И сам не поверил чуть слышным словам...

Белла МОНИНА

ГВОЗДИ Б ДЕЛАТЬ ИЗ ЭТИХ ЛЮДЕЙ

Нерсес Акопов и Роман Руруа

Олимпийский чемпион стоял на высшей ступеньке пьедестала почета в высокогорном Мехико и вспоминал свой первый приход в борцовский зал. Вместе с другом он, новичок, находился на балконе и смотрел вниз – на тренировку грузинской сборной. Их горящие восторгом глаза заметил седой человек в тренировочном костюме, засмеялся. Седоволосый скомандовал: «Спускайтесь в зал!»

Так состоялась их первая встреча. Через два года, по окончании чемпионата Грузии, этот человек Нерсес Акопов сказал: «Отрежьте мне голову, если Роман Руруа лет через пять-шесть не станет чемпионом мира». Разве мог он допустить, чтобы его дорогой тренер лишился головы? Срок истекал, и в 1966-м в американском городе Толидо он им стал, а потом еще выиграл три «мира» в Бухаресте, Мар-дель-Плата и Эдмонтоне, его избрали капитаном советской сборной, единогласно и надолго.

Это было признание заслуг великого борца и его великого тренера, который семнадцатилетним паренком пешком пришел в Тбилиси, начал работать грузиком в караван-сараяе Тамамшева. Судьба не раз гнула его, испытывала на прочность, а он все выдержал и победил. Родился в 1903 году в большой семье сельского кузнеца Григория. Двенадцать сыновей и четыре дочки. Накормить столько ртов дело нешуточное. Отец трудился от первых лучей солнца до глубокой ночи – с тяжелым молотом управлялся играючи, как часовщик с миниатюрным молоточком. Когда время не ждало, а срочная работа на селе не убавлялась, бил по наковальне одновременно двумя молотами, удивляя односельчан богатейской силой. А надо сказать, дивились они не однажды. Любил кузнец в редкие минуты отды-

ха помериться силой в армянской борьбе кох. Борьбе, которая потом подарила спорту олимпийских чемпионов и чемпионов мира. А тогда самые сильные люди планеты официальных игр не проводили. Но силачи попадались не в пример нынешним по силе и сноровке. С отцом решался бороться разве что его младший брат Аракел – он даже был сильнее, и бороться не очень любил, боялся случайно покалечить. «Отец и дядя были нашими первыми тренерами, – вспоминал наставник олимпийского чемпиона, одиннадцатый сын кузнеца Нерсес - . Акоповы могли выставить свою сборную команду. За поражение отца нашему дяде пришлось мне отыгрываться, в схватке с двоюродным братом Саркисом. Силен был от природы, весь в отца Аракела. В своих сапогах дошагал до самого Берлина, вернулся в орденах, израненный, от военных ран умер уже в мирное время».

Надо сказать, сам Нерсес Григорьевич не бежал от войны. К началу ее он, уже известный в спорте человек, работал тренером по борьбе в районном имени 26 комиссаров комитете физкультуры и спорта. Бронь имел – освобождение от призыва. И работа была сугубо военная, обучал бойцов искусству рукопашного боя. А все же не вынесла душа, не к лицу было сыну молодобойца прятаться за женину юбку.

Пришел к начальству проситься на фронт. Начальник пришел в ярость, кричит: «А здесь для тебя не фронт? Кто молодых солдат учить будет?» – «Как это учить, – отвечал Нерсес, – немец Минск взял, воевать надо!» Так и покричали друг на друга, обиделись, а ни о чем не договорились.

Решил тогда Акопов действовать с другого конца. Пришел в военкомат, к человеку со шпалой в петлице,

изложил свою великую просьбу. Командир спрашивает: «Бронь есть?» – «Откуда я ее тебе возьму, – отвечает доброволец, – что я начальник какой?» Смотрит, вроде сошла ему с рук хитрость. Вышел из военкомата Нерсес, бумажку с бронью к тому времени он порвал и прямехонько махнул на фронт. На работе сбились с ног, его разыскивая, выговор за прогулы объявили в приказе, а он далеко – комиссар стрелкового батальона 256 полка Первой гвардейской армии воюет с фашистами, с боями освобождает Украину, Польшу, Чехословакию. Дошел до Праги. И на японском фронте успел повоевать, в Манчжурии. Домой вернулся в сорок шестом, нагруженный боевыми наградами – двумя орденами Красной Звезды, орденами Отечественной войны I и II степени, 15 медалями. Был тяжело ранен, но сумел обмануть смерть.

Тбилиси – какой город? Все друг друга знают. Встретил Нерсес Григорьевич на улице своего бывшего начальника. Начальник говорит: «Тебя, Нерсес, фашисты не убили, потому что я тебя крепко ругал. Когда человека ругают, ему везет». Начальник, получается, правильно его ругал. Нашел, кстати, тот знаменитый приказ с выговором, подарил на память. «С тебя причитается...», – сказал не держа обиды на «провинившегося».

Акопов вернулся в большой спорт, к которому прикипел всей душой еще в двадцатые годы, стал десятикратным чемпионом Грузии по борьбе, абсолютным чемпионом Закавказья. Посещал занятия в любительской секции по французской борьбе, которую создал Георгий Чикваидзе. А секцией гимнастики в том же

Нерсес Акопов

Танцует шалахо с чемпионом мира-82 Темо Казарашвили

подвале школы руководил Георгий Эгнаташвили. «Какие ребята занимались в нашей секции, – вспоминал уже седоголовый Нерсес Григорьевич, – братья Петр и Василий Денисовы, Григорий Пыльнов, Ерванд Мартиросян, Леонид Дзеконский, Михаил Тиканадзе, Давид Джапаридзе... Многократные чемпионы Грузии, Закавказья, победители всесоюзных чемпионатов.

Свыше 60-ти лет Акопов отдал тренерской работе,

руководил секцией классической и вольной борьбы в Доме офицеров ЗакВО, в ДСО «Спартак», в системе ТОНО десятки лет был занят подготовкой олимпийского резерва, подготовил около пятидесяти мастеров спорта. У него занимались чемпион мира по самбо Гурам Чертков, чемпион СССР 1957 года по вольной борьбе Заур Мchedlishvili, двукратный чемпион СССР Тамаз Мачавариани. Он приложил руку к росту мастерства таких виртуозов ковра, как серебряный призер Олимпиады-52 в полутяжелом весе Шалва Чихладзе, Георгий Термолаев, чемпион СССР 1946 года по вольной борьбе, заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер СССР Арташес Назарян. Потом они сами стали выдающимися тренерами, воспитали чемпионов.

Почетных званий и регалий у Нерсеса Григорьевича вагон с тележкой: заслуженный тренер Грузии и СССР по классической борьбе, заслуженный работник народного образования Грузии, ветеран спорта, судья республиканской и всесоюзной категории, почетный судья всесоюзной категории, ветеран войны и труда, персональный пенсионер...

Ходил в своем неизменном ратиновом пальто с меховым воротником, уже непонятного цвета. Роман Рура не раз пытался справиться ему обнору, на что по-

Олимпийские чемпионы Мириан Цалкаламанидзе и Роман Рура поздравляют Нерсеса Акопова с 80-летием. 1983

жилой Нерсес отвечал: «Пальто почти новое, сейчас такой ратин не делают, так не шьют! До смерти буду его носить!»

Поздравить Нерсеса с 80-летием пришли в Парк Победы 400 человек – вся борцовская элита.

84-летнего Акопова спросили: «Не трудно ли работать?» Он ответил: «А как же без работы?» И в средней школе, где работал педагогом физкультуры, создал секцию борьбы – уговорил директора, от желающих заниматься отбоя не было. Сам считал: «В Грузии талантливые борцы никогда не иссякнут, борьба у грузина в крови, он рождается борцом. Просто их надо искать и находить». Вот, оказывается, как просто, в чем секрет великого тренера-селекционера.

В 15 лет впервые пришел на занятия к Нерсесу Акопову Роман Дзnelадзе и скоро обратил на себя внимание специалистов, но мудрый наставник не торопил события. 1952 год стал для Романа трамплином в большой спорт, когда он, став сильнейшим в Грузии, вышел на всесоюзный ковер. Уже через год он бронзовый призер чемпионата страны. Настало время потесниться борцам с самыми громкими титулами. Талант Дзnelадзе засверкал всеми гранями в олимпийском 1956 году, когда он с большим преимуществом выиграл I Спартакиаду народов СССР. А конкуренция в полулегком весе была исключительно высокой, предстояло доказать свою силу во встречах с олимпийским чемпионом Яковом Пункиным, чемпионами мира Артемом Теряном и Владимиром Шташкевичем. И Роман победил, завоевав путевку в Мельбурн. В финале, встречаясь с Пункиным, прозванным «живой молнией» за удивительную реакцию, припечатал лопатками

к коврику героя Хельсинки. Годом раньше грузинского атлета ввели в состав сборной команды страны, цвета которой он защищал пять лет.

Начались Игры для Романа досадной неудачей. В первом круге (а это была для него первая международная встреча) он хорошо вел схватку с турком Силле, будущим чемпионом Римской олимпиады. Но соперник, борясь в партере сверху, поднял Романа так, что он повис почти вертикально, головой к коврику. Роман справедливо полагал, что турок не бросит его на ковер, не ударит головой. Нашими правилами это запрещается, ибо может привести к серьезной травме. Разве что турок опустит его на ковер или попытается сделать бросок через спину. Но правила в Мельбурне оказались другими. Роман успел избежать удара о ковер, но его плечи и лопатки коснулись коврика. Действуя энергично и напористо, он проводит остальные поединки, подтверждая свою репутацию атлета с безупречной технической оснащенностью. Не зря говорили, что стоит Роману ухватиться хотя бы за палец соперника, он проведет бросок. Судьба олимпийского золота решалась во встрече Дзnelадзе – Пояк. Сюжет борцовского турнира был лихо закручен. Роман, единственный из участников, по очкам победил Мяккинена, а финн – венгерского чемпиона. И теперь с четырьмя штрафными очками свои олимпийские надежды связывал с основными соперниками. Специалисты – советские и зарубежные – сходились во мнении: повредивший руку Роман вряд ли избежит поражения во встрече с чемпионом мира. Но поражение поражению рознь. Чистая победа делала Пояка олимпийским чемпионом. Роману в этом случае доставалась серебряная медаль,

финну – бронзовая. Победа Романа (допуская невозможное для борца, фактически однорукого) выводила его на первое место, а финна – на второе. В этой редчайшей ситуации Мяккинену оставалось уповать на божью милость и поистине фантастический для него исход поединка – победу Пояка, но по очкам. И самое удивительное, что этот пасьянс сложился. В кулуарах поговаривали, что Дзнеладзе и Пояк, оба представители социалистических государств, могут договориться. Но при этом забывалось главное: рыцарский характер нашего земляка, который не мог ради более престижной серебряной медали поступиться своими принципами. Перед всем миром. И он дал бой, один из самых трудных в своей спортивной жизни. В обоюдных атаках Имре получил выигрышное очко и открытую дорогу к золотой медали. До окончания схватки оставалось две минуты, слишком мало, чтобы Роману мечтать о победе, но коснуться спиной ковра, хотя бы мгновенно, он успеет. Так думали многие в зале, но ошибались. Роман Дзнеладзе предпочел бронзовую медаль, отказавшись от позора серебряной, подарив финну «на блюдечке» звание олимпийского чемпиона.

Находившегося в зале Рауно Мяккинена не спешили поздравлять с золотой олимпийской медалью. Внимание финской команды – тренеров и спортсменов – было приковано к борцовскому коврику, к Роману Дзнеладзе, автору одной из главных сенсаций Мельбурна. Финны подхватили грузинского атлета, буквально вырвав из рук друзей, подняли на плечи и, как победителя, спустили в зал. А он, усталый и удивленный, грустно улыбался, прижимая к груди травмированную руку...

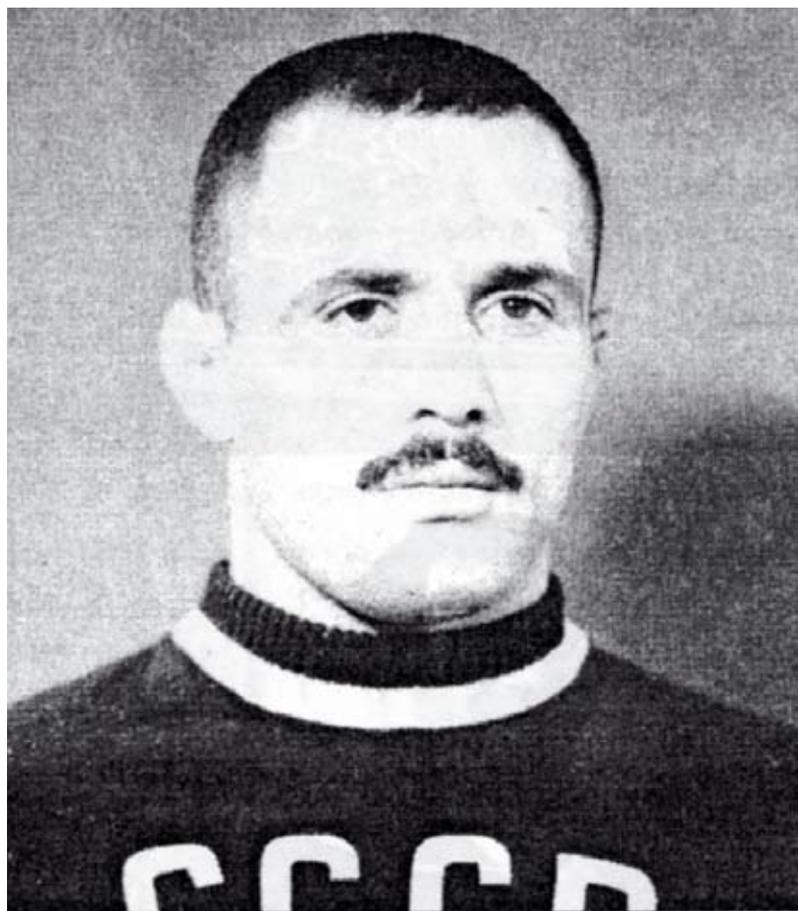
Романа любили в борцовских кругах, сам же он особо выделял дружбой Автандила Коридзе, чемпионом Римской олимпиады. В тот злосчастный апрельский день 1966 года оба возвращались на машине в Тбилиси. Автоавария унесла жизни двух великих спортсменов.

Вершиной достижений заслуженного тренера СССР Нерсеса Акопова все же остается пример Романа Руруа, которого тренер называл самым любимым борцовским сыном. Их трогательная дружба началась в 50-х, когда из села Мухурча приехал паренек, крепкий как молодой дубок. Отработав на заводе смену, шел на занятия в вечернюю школу, тренировался семь дней в неделю, по две тренировки в день. У них с самого начала установились, как вспоминал Акопов, настоящие отношения. И не только на ковре. Бывало придет Роман на тренировку, Нерсес Григорьевич спрашивает: «Обедал сегодня?» – «Обедал», – отвечает Роман. – «Врешь, небось». – «Вру», – соглашается ученик. – «Прекрасно, – говорит тренер, – сегодня кутим у меня дома». Кутежом Нерсес Григорьевич называл скромный обед из трех блюд, которого его будущий знаменитый чемпион был лишен в пору своей свирепой бедности. И Роман не имел секретов от любимого наставника, закаляя тело и душу, уже тогда поставив перед собой самые великие цели. И только в одном невольном обманывал тренера, когда Акопов уходил домой после тренировки, возвращался на ковер и несколько часов продолжал заниматься разучиванием приемов.

Когда я вспоминаю эту удивительную пару – патриарха-наставника и его любимого ученика, на память приходит стих известного поэта: «Гвозди б делать из этих людей: / Крепче б не было в мире гвоздей». На что не менее известный писатель мудро отреагировал: «Люди не материал истории, а творцы ее».

Два моих друга считали себя учениками великого

Нерсеса, хотя оба слишком рано ушли из спорта в учебу, в журналистику, и с ними тоже связывали надежды спортивные наставники. Но оба помнили каждую его реплику, замечание – уроки Акопова продолжают! И слушая их рассказ, как группа Нерсеса бежала в майках и трусах многокилометровый кросс от улицы Орджоникидзе, от «Петрес дарбази» через Плехановский проспект и Ботанический сад к знаменитой бане, воспетой Пушкиным, а потом Нерсес покупал для всех билеты и вел в парную, я чувствую себя обделенным радостью и счастьем общения с этим нестареющим

Роман Дзнеладзе

человеком, который и в беге ни на шаг не отставал от молодых. Если можно было бы вернуться в ту спортивную молодость! А ведь я сам какое-то время ходил заниматься в секцию борьбы на динамовском стадионе, пока не последовал запрет посещать ее, чтобы не подавать дурной пример другим ученикам школы, и самое интересное, что исходил он от директора, известного своим крутым нравом, скорого на расправу.

Как говорится, не судьба. Вот так не познакомился я с Нерсесом Григорьевичем.

Умер знаменитый тренер в 1990 году. Ехал после тренировки в борцовском зале, в трамвае задремал и не проснулся. Такая вот легкая смерть. Древние греки считали, что легкой смертью боги награждают своих любимцев. За несколько дней до этого ему выделили изолированную квартиру, которую он ждал всю свою долгую жизнь. Не дождался. Смерть опередила, которая до этого уносила его самых близких, а теперь забрала и самого.

Арсен ЕРЕМЯН

Группа чешских туристов - гости Музея боевой славы Ираклия Кандарели

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

20 июня 1941 года Ираклий Кандарели получил аттестат об окончании средней школы. Этот день пришлось на пятницу, и выпускники долго, почти до утра, гуляли по городу и говорили о том, что дальше будут делать в жизни. В понедельник Ираклий собирался идти подавать документы в университет. Но в воскресенье, 22 июня, он, как и все жители огромной тогда страны, узнал о начале войны. И на следующий день, вместе с несколькими товарищами, с раннего утра, вместо университета, отправился в ЦК комсомола Грузии – проситься добровольцем на фронт.

- Рос я в Тбилиси, на Татьянинской, которую и сегодня считаю самой уютной улицей из всех, какие мне приходилось видеть, - вспоминает Ираклий Кандарели. - Она много раз переименовывалась. Сначала называлась улицей 25 февраля в честь дня советизации Грузии, потом улицей 26 мая в честь Дня независимости. А теперь носит имя Георгия Товстоногова, замечательного человека и творца, который там родился, вырос и жил многие годы. А его мама продолжала жить на нашей улице и после переезда Георгия Александровича в Ленинград. Конечно, я хорошо

помню Георгия Товстоногова. Он был на несколько лет старше меня. Но улица-то у нас маленькая, всего одиннадцать домов, и мы все друг друга, так или иначе, знали. А кроме того, в школьные годы у меня многое было связано с русским ТЮЗом, где тогда работал Товстоногов.

Ираклия, которому, сначала в ЦК комсомола, а потом и в военкомате, пришлось накинуть себе пару лет, направили в Тбилисское первое военно-пехотное училище. Курсанты довольно долго стояли в городе, и юноше, в перерывах между занятиями по строевой, боевой и политической подготовке, время от времени удавалось забегать домой. По вечерам курсанты слушали по радио тревожные новости и сокрушались, что остаются здесь, в мирной, в общем, жизни, тогда как где-то их сверстники бьются с врагом не на жизнь, а на смерть. Потом училище перебросили в Абхазию, где оно дислоцировалось недалеко от города Гагра. Там, возле села Псху и произошло боевое крещение тбилисских курсантов.

- Враг двигался на Кавказ, - рассказывает Ираклий Леванович. - В 1942 году наше подразделение,

сформированное из вчерашних курсантов, приняло бой возле Санчарского перевала. Это была первая военная операция по эту сторону Кавказского хребта, и наш первый бой. Большая часть курсантов погибла тогда на поле сражения. Во всяком случае, с тех пор Тбилисское первое военно-пехотное училище перестало существовать. Тех немногих, кто остался живых, направили по разным воинским подразделениям. Лично я считаю, что в той заварухе меня хранила какая-то высшая сила. Потому что отделался я сравнительно легко. Получил ранение, несколько месяцев провалялся в госпитале. Но остался жить. Хотя, и потом, поправившись, встав на ноги, снова попал в самое пекло. Мне был, как пелось в песне, «дан приказ на Запад» – в действующую армию, на Четвертый Украинский фронт, командиром взвода разведки.

Тбилисский парнишка вдоволь хлебнул фронтового лиха. Воевал на Украине, в Польше, Чехии. Ираклий Леванович – почетный гражданин семи чешских городов и сел, почетный гражданин Словакии, обладатель почетного звания «Приемный сын Украины». А его парадный китель с погонами полковника украшают, наряду с орденами и медалями Советского Союза и Грузии, высокие награды ряда иностранных государств.

День Победы лейтенант Кандарели встретил в Праге. Но окончание войны не означало для него завершения воинской службы. Ираклий Кандарели решил остаться в армии и стал военным журналистом. Перо у него было опытное. Свои первые заметки Ираклий начал публиковать еще семилетним мальчиком в детской газете, издававшейся тогда при Тбилисском театре юного зрителя, руководителем которого был основатель детского театра в Грузии, замечательный режиссер и педагог Николай Маршак. Писал о школьных буднях, о понравившихся премьерах в любимом ТЮЗе, позднее, работая на первой в мире детской железной дороге в тбилисском парке Муштаид, рассказывал в своих публикациях и об этом. В годы войны молодой офицер отправлял в газеты корреспонденции с фронта. А после победы, вернувшись на родину, начал работать в газете Закавказского военного округа и в гарнизонных газетах. Материалы Ираклия Левановича публиковались и в московских изданиях – «Красная звезда», «Комсомольская правда» и других. Писал Ираклий Кандарели, даже когда это не входило в его прямые служебные обязанности. Живое откликался на события, беспокоившие его, или наоборот – вселявшие оптимизм. Желание поделиться с людьми своими заботами и радостями, как говорит он сам, у него в крови. Поэтому, наверное, он всегда вел очень большую и многогранную общественную работу, основное содержание которой, как и главные темы его публикаций, были связаны с памятью о войне.

В конце 50-х годов майор Кандарели получил назначение в Гори, в военный комиссариат. Да так и остался жить в этом небольшом городе, искренне любив и местных жителей, людей неторопливых, доброжелательных, радушных, и сам образ жизни вдали от столичного шума. Выйдя в отставку, он решил в Тбилиси не возвращаться. Тем более, что к тому времени в Гори у него уже было дело, оставлять которое, либо начинать его на другом месте, казалось невыполнимым. У себя в квартире Ираклий Леванович основал Музей боевой славы Вооруженных Сил СССР,

И.Кандарели - курсант пехотного училища. Июль 1942

собирая для него экспонаты, можно сказать, практически повсюду, где проходили сражения в годы войны. Конечно, лично побывать везде он бы не смог. Но вел обширную переписку с местными советами ветеранов, поисковыми группами, энтузиастами, которые присылали ему материалы. Хотя и сам он в те годы активно участвовал в работе по поиску захоронений советских солдат на полях сражений, в основном, там, где приходилось воевать самому. Именно он выступил одним из инициаторов перезахоронения останков тбилисских курсантов, погибших на Санчарском перевале, и открытия памятника им в селе Псху. В память об их ратном подвиге даже написал стихотворение, может быть, наивное, но искреннее:

Деревня в горах тех высоких лежит,
Там камни, омытые кровью.
Мы верим: навеки народ сохранит
Бессмертную славу героям.

Расскажут потомкам про наши дела.
Как насмерть мы все тут стояли.
Здесь русский, абхазец, грузин, осетин
За Родину жизнь отдавали.

Никто из приезжавших в Гори гостей не покидал город так, чтобы не побывать в домашнем музее Кандарели. Собрание приобрело такую популярность, что его задумали преобразовать в городской музей. Причем решение об этом принималось на самом высоком уровне. У Ираклия Левановича до сих пор хранится приказ о выделении музею помещения, подписанный почти всемогущей в те годы Екатериной

Ираклий Кандарели в музее боевой славы

Фурцевой, возглавлявшей Министерство культуры СССР. Музей этот, к слову, действует по сей день. В нынешнем году он отмечает свое 47-летие. Правда, в последнее время Ираклий Леванович бывает там не

очень часто, хотя музей и находится недалеко от его дома. Чувствует себя ветеран неважно, и из квартиры старается не выходить. Разве что до ближайшего магазина и обратно.

Выйдя в отставку, Ираклий Кандарели публиковался в военных газетах и журналах и много работал с молодежью, занимаясь военно-патриотическим воспитанием. Он ездил с лекциями в учебные заведения по Грузии и за ее пределами, курировал в республике детскую военно-патриотическую игру «Зарница».

- В те годы, - говорит Ираклий Леванович, - военно-патриотическому воспитанию уделялось серьезное внимание. А игра «Зарница» являлась частью программы подготовки будущих защитников Отечества. Поэтому, и отношение к ней было соответствующим. Я мог, в связи с «Зарницей», напрямую позвонить любому Маршалу Советского Союза, все они были со мной на связи. А это о многом свидетельствует. Мне кажется не совсем правильным, что сейчас в Грузии подготовка молодых людей к воинской службе стоит не на должном уровне. Хотя я слышал о каких-то инициативах в этой области, которые вселяют надежду на то, что положение изменится», - говорит Ираклий Леванович.

По его словам, и музей он создавал в первую очередь для молодых. Грузия, считает он, вправе гордиться своим вкладом в дело Победы над немецким нацизмом, самым страшным злом XX столетия. И на примере дедов и прадедов, проливавших кровь на полях Великой Отечественной, должны формироваться новые поколения. А замалчивая, или – хуже того – ставя под сомнение великий подвиг народа, мы обкрадываем сами себя, собственное будущее, считает ветеран.

При такой загруженности у этого человека хватало времени и сил на то, чтобы не оставлять свое давнее увлечение – собирательство. Ираклий Леванович мог похвастаться одной из самых интересных в Грузии коллекций почтовых марок. Но он был еще и филуменистом. Знаете, что это такое? До знакомства с Ираклием Кандарели я тоже этого не знал. Оказывается, филуменисты – это люди, собирающие спичечные этикетки. Так вот, в этом у Ираклия Кандарели равных не было. И не только в Грузии. Во всем мире мало найдется собраний, сопоставимых с его коллекцией, насчитывающей 80 тысяч образцов, среди которых есть воистину уникальные. В течение долгих лет Ираклий Кандарели вел переписку, обменивался информацией и материалами с сотнями коллекционеров в 34 странах на всех континентах планеты. И, хотя в последние годы сам он от активного коллекционирования отошел, в мире филуменистов его хорошо помнят и ценят. Поэтому, поздравления со всеми праздниками он получает, можно сказать, со всего света.

Сейчас полковник в отставке Ираклий Кандарели задумал писать книгу воспоминаний.

- Без дела сидеть я не привык, - признается он. – Никогда не понимал, что такое заслуженный отдых. По мне, так худшего наказания, чем оставший человек не у дел, и придумать нельзя. Вот и возьмусь за эту работу. Благо материала у меня собрано столько, что на десять книг хватит. И опыт журналистской работы солидный. Так что, думаю, что-нибудь из этой затеи получится.

Дэви БЕРДЗЕНИШВИЛИ

ЗНАК ОДИНОЧЕСТВА

СТРАДАНИЕ

Весна медлила с приходом. Сквозь щели в оконных рамах студёные ветры просачивались в унылый сельский дом. В холодных струях воздуха была незримо запечатлена вся трагичность подлунного мира – она ощущалась как мелодия тоски, которую людям обычно удается заглушить усилием воли. Но для маленького Эдмонда трагедия была зрима, а тоска – безнадежна.

Серо-черное бесформенное нечто неотступно охранило постель медленно угасавшей 19-летней Циры. Она собирала остатки сил, чтобы удержать свой взгляд на маленьком сыне. Эдмонд стоял в распахнутых дверях – серьезный, намного более взрослый, чем казалось со стороны. Жадно ловил ласку материнского взгляда, понимая, что между ним и матерью пролегла непреодолимая пропасть...

Спустя годы Эдмонд признался Католикосу-Патриарху всея Грузии Илье II, который приобрел несколько картин Каландадзе: «Когда умирала моя мать, я навсегда принял трагичность этого мира!»

КАЛЕЙДОСКОП

Сквозь прозрачные воды гурийских рек взгляд мальчика выискивал цветные камушки – самые красивые, самые яркие! Легкая рябь волн над мозаичным

речным дном создавала естественный калейдоскоп. Разноцветие камушков переливалось непознанной тайной бытия, перед которой отступало серо-черное нечто трагичного мира.

Эдмонд не задумывался о том, что самозабвенно любоваться игрою красок умеет далеко не каждый. Если бы ребенку сказали, что на свете много людей, для которых вода и камни – всего лишь вода и камни: влага, чтобы пить и твердь, чтобы строить, – он не поверил бы! Пить, строить – конечно, и это тоже правда. Но значительно большая правда – самодостаточная выразительность цвета, дарящая почти физическое наслаждение умеющему видеть!

В калейдоскопе рек Эдмонд видел будущее: в этом будущем целью жизни становилось служение радуге красок. Переводя взгляд к небу, Эдмонд видел радугу и догадывался, что она создана по определенным правилам цветосочетаний. Мальчик относил гармоничное сочетание красок к естественной, самоданной сущности физического мира...

Уже в пожилом возрасте Эдмонд признался: «Есть определенные законы зримого мира, которым должна соответствовать настоящая живопись. Соотношение теплых и холодных красок и сохранность самозначимости цвета при любом сюжете картины

- важное условие творчества. Я не достиг еще тех успехов в живописи, о которых мечтаю. Но верю, что иду по правильному пути... »

ДОРОГА

Отец Эдмонда, литературный критик Лавросий Каландадзе, занятый самой разной литературной работой, охотно переводил материалы и для популярной газеты «Заря Востока». Эдмонд считал отца самым близким, умнейшим и достойнейшим человеком, равным которому он впоследствии мог назвать только отца своей супруги Лии – историка Саргиса Какабадзе.

В начале 30-х годов отец повез любимого сына из Тбилиси в Москву. Эдмонд любовался по ходу поезда сменяющимися пейзажами. Одна местность навсегда запала в сердце художника.

Пустая дорога в степь – вот что это было! И как бы ни менялись детали, эта дорога одинокого путника в дальнейшем всегда присутствовала в творчестве Каландадзе. Путник рос, мужал, старел, но продолжал одиноко идти вдаль, прочь от зрителя – к неведомому и недостижимому горизонту. Иногда по пути появлялись деревья – весенне-цветущие или осенне-засыпающие. Иногда вставали горы – не пугающие, мирные, преодолимые, заселенные добрыми людьми. А затем – снова степь, пустыньность, одиночество...

В Москве Эдмонд пошел в школу. Особенно запомнился момент, когда отец принес альбом «Мастера изобразительного искусства». Шедевры Рембрандта, Веласкеса, Рафаэля потрясли воображение Эдмонда. Он понял, что хочет стать художником.

Сегодня, отвечая журналистам на вопросы о творческом пути, Эдмонд декламирует «Памятник» А.С.Пушкина и «Горные вершины спят во тьме ночной» М.Ю.Лермонтова – как исчерпывающие объяснения ядра своей личности.

ЭПИЗОД

Не считая профессию художника вполне надежной, отец уговорил Эдмонда стать инженером-строителем. Оканчивая первый семестр в политехническом, Эдмонд небрежно подправил бритвой дефекты на огромном чертеже, приготовленном к сдаче. Отец осерчал: «Не смей носить замаранное!» - и разорвал чертеж. Юноша заявил: «А новый я чертить не стану!» И отказался ходить на занятия наотрез.

Отец сначала сердился на сына, потом – на себя, а затем отправился к Уче Джапаридзе – ректору Академии художеств. И Эдмонд стал студентом Академии художеств по списку дополнительного приема...

АКАДЕМИЯ

Молодой Эдмонд едва не доказал, что в Тбилисской Академии художеств можно учиться до бесконечности! На протяжении четырнадцати лет Каландадзе упорствовал, не желая написать экзаменационную картину, отвечающую требованиям педагогов.

«Нет ничего порочнее и уродливее так называемого «метода Чистякова», согласно которому в изобразительном искусстве фотографическое сходство при срисовывании деталей ставится на первое место, порождая ложную правдивость!» - рассуждал Эдмонд. И – продолжал живописать так, как считал верным: опираясь на опыты собственного визуального мировосприятия, которое, как верилось самому художни-

ку, было непогрешимым.

Преподаватели недоумевающая смотрели на холст: дорога уводила в даль обособленного неизвестного, горы на горизонте сливались с небом и на душе становилось как-то непросто, одиноко...

«Какой же это соцреализм! – восклицали члены приемной комиссии. – Где оптимистический сюжет? Где общество? И что это за странный подбор красок!..»

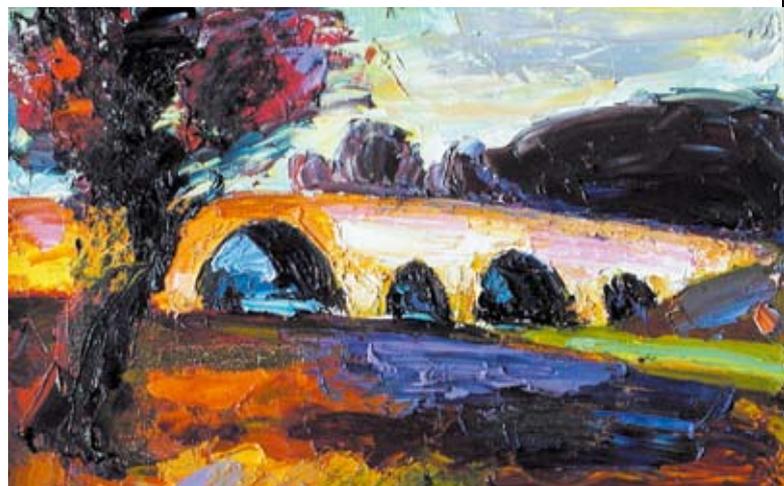
Так Эдмонд много раз оставался на курсе, когда его любимая Лия Какабадзе уже готовилась стать лингвистом, учась в Институте иностранных языков.

20 декабря 1951 года Лия родила художнику дочку Циру! Мир в этот день стал для Эдмонда значительно менее трагичен. Впоследствии Цира стала преемницей отца в живописи.

Но учеба в академии все не кончалась...

Дело спас Серго Кобуладзе. В 1955 году несколько работ Эдмонда прошло в число лучших сначала на республиканской, а затем на всесоюзной выставках. И академик возмутился на педагогическом собрании: сколько можно не признавать, что Каландадзе давно уже сформировавшийся художник?!

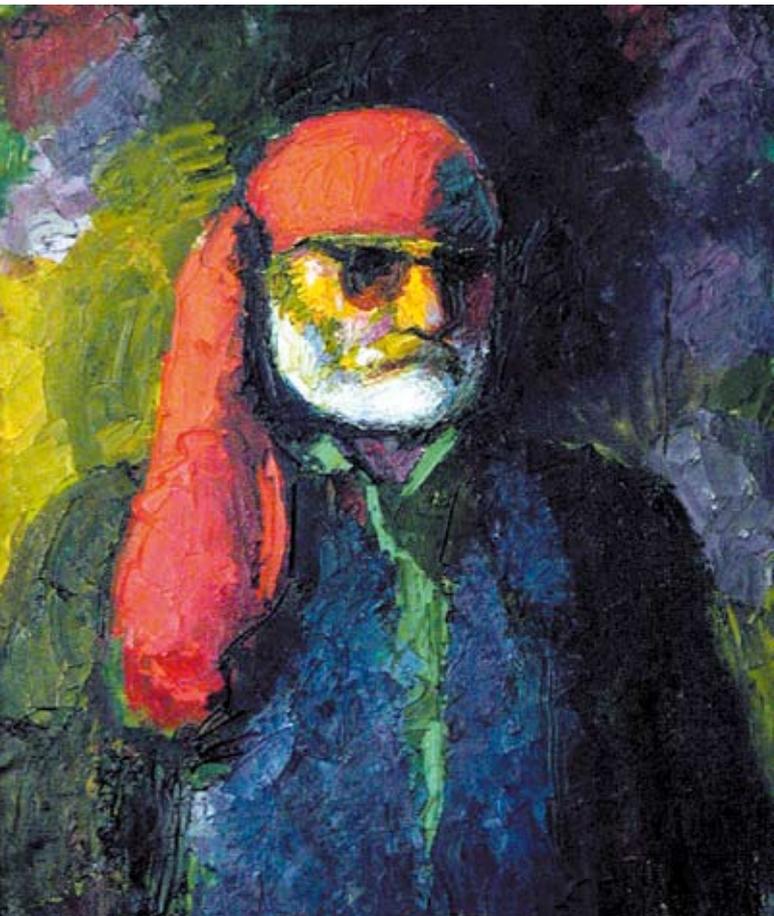
Лед тронулся... Эдмонд наконец-то окончил учебу, провел первую персональную выставку, и повесил на стену родового дома Саргиса и Давида Какабадзе картину «Дорога в степи» - как символ своей индивидуальности и внутреннего одиночества...

«Красный Мост»

ПРИВЫКАНИЕ

Ну, а как же Великая Отечественная война? «Самое ужасное, что есть на войне – это привыкание к ее ужасам. Абсолютное привыкание к тому, что ноги и руки можно рассматривать отдельно от тела. К тому, что мародеры отнимают последнее у беззащитных людей. К тому, что предательство и убийство в порядке вещей, - считает Эдмонд. - Пехотное училище в Ленинкане, авиационная школа в Рустави не пробудили во мне воинского духа. Распределение - авиация дальнего действия: Новосибирск, затем IV Украинский фронт... Воспоминание: зима, ночь, трасса Харьков–Киев, двое солдат в переполненном грузовике. Моему соседу тесно – он сталкивает меня за борт, в снег. Нашли меня, уже обледеневшего, гуцулы-дровосеки,

«Автопортрет»

приютили. Но от простуды обострился бронхиальный туберкулез – в 1944-м я уже лежал в тбилисском госпитале... Или вот еще: из Ростова и Харькова бегут в Баку поезда с беженцами. Мародеры с ножами грабят всех подчистую. Я ехал на крыше, сжимая в руке табельное оружие – рядом со мной никого не тронули. Потом жалел, что не перестрелял этих нелюдей. Но их было шестеро, а я один. Умирать не хотелось, даже героем. В окружающих меня тогда потрясало тупое безразличие и к жизни, и к смерти. А во мне до сих пор боль – друг детства Коля Балясный-Дарикошвили ушел на фронт и пропал без вести... Война выводит людей за рамки достойного мышления и существования».

МЕЧТЫ

Эдмонд Каландадзе считает, что не всем его мечтам суждено было сбыться.

Из множества учеников он гордится лишь немногими – такими, как Саша Коган. И неудивительно: восприятие мира и определенные художественные вкусы учителя не все ученики могут принять полностью. Особенно, если учитель безапелляционно заявляет, подобные тому, что «подлинный идеал искусства – бизоны в наскальных рисунках пещер Альтамира, а Сальвадор Дали – всего-навсего слабый художник».

При президенте Звиаде Гамсахурдиа Эдмонд Каландадзе был министром культуры. Он организовал курсы искусствознания – и впоследствии восемь лет читал лекции. На них не раз звучала любимая фраза: «Прелесть живописи обусловлена тем, что 90 процентов жизненных явлений мы воспринимаем визуально, поэтому из всех искусств живопись наиболее близка

повседневности».

Упоминая сокровища мирового искусства, художник подчас дает интересные примечания, такие как «Непревзойденные греческие скульптуры покалечены представителями другой, враждебной идеологии!» или «Импрессионистов – от Клода Моне до Поля Сезанна – люблю не столько за реализованное, сколько за стремление дерзнуть. Да, именно так: я скорее люблю их мечты!»

На взгляд Каландадзе, нынешнее время являет собой период духовного оскудения: «Как в кино нет уже глубин Бергмана или Антониони, так и в жизни повсюду виден приоритет кассовости и миража материального благополучия. «Хлеба и зрелищ!» – этот древний

«Стога»

лозунг вполне оправдан сегодня. Грустно отмечать падение нравов. Моя живопись противится этому. И, уверен, моя живопись гораздо более уместна и современна, чем то, что принято считать таковым!»

Любому понятно желание художника быть по достоинству оцененным и понятым не только потомками, но и современниками. Хотя, увы, получить объективную общественную оценку творчества еще при жизни для большинства художников – всего лишь несбыточная мечта.

БЕСКОНЕЧНОСТЬ.

«Мои лучшие друзья – психиатр Файзул Контридзе и философ Николоз Чавчавадзе – уже завершили свой жизненный путь. Мне очень не хватает их мудрости, широты восприятия, задушевности, – говорит художник. – И, конечно же, обидно сознавать, что однажды я тоже окончусь. Я, разумеется, ищу оправдания моему существованию. Надеюсь, что весьма неплохое оправдание – моя живопись. Хочется, правда, прожить подольше, чтобы реализоваться на все сто, как реализовались Ван Гог и Бах. А что до веры в бессмертие души... Я много думал... Вот если на самом деле существует абсолютная бесконечность, то ее существование подразумевает повторение любых комбинаций бесконечное число раз. Аминокислоты, жиры, все химические составные снова совпадут в тех же пропорциях – и снова появится Эдмонд Каландадзе, другой, но точно такой же как я! Разумеется, только если она существует, эта бесконечность...»

Катя ЦИБЕР

СЛОВО О НАСТАВНИКЕ

Христофор Аракелов

Имя Христофора Арамовича Аракелова приобрело для меня гипнотическое звучание еще в детстве. В удручающую серость преподавания теоретических предметов в музыкальной школе, методично разрушающей представления о прекрасном, стали проникать слухи о легендарном педагоге, музыковед-теоретике из четвертого училища. Имя его представлялось в ореоле славы воина, что для нас, детей войны, имело особое значение. Было известно, с какой фанатической одержимостью пройдя передовые позиции фронта, получив тяжелые ранения и контузию, он возвращался к прерванным трагическими событиями занятиям своей профессией. Эта одержимость стала отличительной чертой и его педагогической работы. Рассказывали, что занятия с Аракеловым увлекают в магнетический плен с первых дней занятий в училище и держат в нем до окончания курса, стимулируя успешное поступление в консерваторию. И Христофор Арамович сделался моим кумиром, собеседником, наставником. На уровне тогдашнего понимания задач музыкального искусства я мысленно

выстроила систему его взглядов, советовалась, не представляя, что наше общение может оказаться реальным.

Окончив музыкальную школу, я объявила, что хочу стать музыковедом и только под руководством Аракелова, чем немало озадачила родных. По семейной традиции меня готовили в инженеры, но вскоре поняли, что возражать бесполезно, и решили представить меня этому музыковеду. Пространное собеседование, проверка музыкальных способностей и лаконичное «Подходит» дали «путевку в жизнь».

Четыре года в стенах училища вспоминаются как «праздник, который всегда с тобой». Присутствие Аракелова сообщало особую торжественность учебному процессу, пробуждало ощущение полетности.

Теоретическое отделение четвертого училища встретило нас в блестящем педагогическом составе. Сольфеджио преподавала Ася Яковлевна Хизанова, хормейстер оперного театра, ученица Гаука по хорошему дирижированию, всесторонне образованный человек, носительница высоких моральных качеств.

Она обладала редкой музыкальной памятью и даром читать с листа в темпе любые партитуры. Зарубежную музлитературу вела Тамара Николаевна Геладзе, окончившая аспирантуру при Московской консерватории. Аракелов с восхищением отзывался о ее кандидатской диссертации, говорил, что преклоняется перед ней и призывал нас к тому же. На третьем курсе ее сменила пришедшая со студенческой скамьи Додо Гогуа, которая сразу стала предметом всеобщего обожания. В.А.Гвахария вел курс фольклора, но его увлекательные лекции по существу представляли историю древних цивилизаций.

Обстановка для занятий была самая благоприятная. Изрядно промерзнув в плохо отапливаемых школах, мы устремлялись в училище с безукоризненной чистотой его классных помещений, где в кафельных печах весело потрескивали дрова; с бдительным техническим персоналом, ревностно оберегающим вход от неожиданных посетителей, с безотказно работающей библиотекой. Во всем этом ощущалась «железная рука» директора, Ксении Илларионовны Джикия, немолимо требовательной и бесконечно доброжелательной.

Уроки Аракелова проводились поздним вечером, и в этом было свое очарование: окружающая темнота как бы изолировала от внешнего мира, и в замкнутом пространстве начиналось священнодействие – приобщение к миру звуков через «живое исполнение» (в конце 50-х годов грамзаписи не успели войти в учебный обиход). С восторгом внимали мы медленным частям сонат Бетховена; с пронзительной исповедальностью звучал под пальцами учителя знаменитый речитатив из 17-й сонаты. А с каким блеском, с каким кипучим задором вливалось в застывшую тишину выступление к «Карнавалу» Шумана! «Неназойливо, ненавязчиво» убеждал нас учитель в том, что владение игрой на фортепиано одно из главных условий профессиональной состоятельности музыковеда. Соглашаясь с этим, перед экзаменами по теоретическим предметам я больше всего тревожилась, как прозвучат в моем исполнении обозначенные в билетах музыкальные примеры – по установленным правилам теоретический разбор произведения преварялся его проигрыванием.

В отношении домашних заданий учитель был несправимый максималист. Не щадя зрения, которое катастрофически ухудшалось он скрупулезно проверял невообразимое количество задач по гармонии. В порядке вещей было готовить к предстоящему уроку примеры из 32 сонат Бетховена, 58 мазурок Шопена, 24 прелюдий Скрябина. Однажды я рискнула выполнить задание прямо в библиотечных нотах, и, зафиксировав результаты анализа на полях, приписала: «Анализ проделала М.Киракосова. Заклинаю не стирать до такого-то числа!». Надо было видеть, в какую ярость пришел учитель от такой затеи! «Имя должно быть выгравировано научными изысканиями, а не на полях нот!», - сердился он. Однако, я не испытывала угрызений совести. Найденный метод был плагиатом: Христофор Арамович имел привычку ставить пометы в любых попадающих под руку нотах, независимо от их хозяина. Правда, фамилия при этом не указывалась.

Зато как умел ценить наш учитель оперативность ответов, свежесть высказывания, творческую ини-

циативу; восхищение его не знало предела. Тот, чей ответ расценивался как «блестящий», надолго слыл триумфатором. Интерес к личной жизни учеников, общение с родителями сочетались с четкой дистанцией в отношениях. Помню, как в канун первого Нового года мы сочинили коллективное поздравление но, не осмеливаясь вручить открытку, оставили ее в классном журнале и очень радовались, что нашли выход. И вдруг строгий голос: «Что вы мне подложили? Я знаю, свинью!» Но, разобравшись в чем дело, учитель растроганно поблагодарил нас. В другой раз, листая на перемене журнал «Крокодил», я увидела напечатанное под рубрикой «Нарочно не придумаешь» объявление: «Граждане, имеющие собак, с сегодняшнего дня должны быть привязаны» и прочла его вслух. Каждый, кто был в классе, уподобился принцу Тарталье из «Любви к трем апельсинам», гомерический хохот сотрясал воздух, однако грозный окрик «что здесь происходит?» вернул к действительности. Все замерли, я молча протянула журнал. И вдруг Изольда Степанова, в то время самая робкая, выпалила: «Это адресовано вам!». Все замерли. Изольда имела в виду белую дворняжку Аракеловых Тузика. Избалованная и наглая, ощущая себя любимицей хозяев, она кидалась на всех без разбору и принуждала ли-

Х.А.Аракелов. 1941

цемерно заискивать перед ней. Учитель нахмурился, оглядел присутствующих сверлящим взглядом и с притворным негодованием выпалил: «У меня не собака, у меня пес!» Гроза миновала, ритм урока восстановился.

При максимальной загруженности и учитель взял за правило уделять время для внеклассного общения с теми, кто был предметом его гордости. Отличившимся на уроках он предлагал пройтись до перекрестка, и эти прогулки сохранились в памяти в обрамлении эпизодов из его прошлой жизни. В образцово-показательной армянской школе, где он получил

среднее образование, состоялись знаменательные встречи. Уроки пения вел строгий и замкнутый композитор Армен Тигранян, который, распознав дарование мальчика, постарался приблизить его к себе. Над школой шествовал выдающийся поэт Аветик Исаакян. Посещая школу во время визитов в Тбилиси, он просил Христика: «Сыграй для меня, мой мальчик, сыграй Моцарта», и с удовольствием слушал сонату ля мажор, в которой особенно любил «Турецкий марш». Часто рассказывал Христофор Арамович о своем любимом педагоге в музыкальном училище, музыковедке и композиторе Вардкесе Тальяне, и при этом утверждал, что его жена, Шагане Нерсесовна, была музой известных стихотворений Есенина. Из преподавателей консерватории с особой благодарностью отзывался о профессоре по эстетике В.Ю.Эльснере, востоковеде-египтологе, который так расширил его познания в истории культуры. Вспоминал рассказанную Эльснером красивую легенду о простодушном великане отшельнике Оффоро, которому однажды явился незнакомый мальчик и попросил перенести его через ручей. Взяв ребенка на плечи, Оффоро почувствовал, что с каждым шагом ноша тяжелеет. И когда, вконец обессилев, он едва не упал в воду, тот, кого он нес, принял облик Спасителя и окрестил его, дав имя Христофор (крестоносец). Так узнал учитель о происхождении своего имени

В общении с Аракеловым входило присутствие на открытых лекциях преподавателей консерватории. В окружении учеников появлялся он и в музыкальных школах, где проводил показательные уроки. Так происходило наше приобщение к специфике преподавания музыкально-теоретических дисциплин. Постепенно мы стали входить и в мир музыкальной науки. На уроках, кроме различных статей,

Мы - первокурсники музучилища. 1957

рассматривались фрагменты из готовящейся диссертации Аракелова. При этом в изложении наших впечатлений заметно поощрялся полемический запал. Мораль шекспировского Полония «держи подальше мысль от языка, а необдуманную мысль от действия» была несовместима с представлениями нашего руководителя, и заложенная его воспитанием бескомпромиссность суждений в дальнейшем не раз оборачи-

валась препятствием. В то же время Христофор Арамович не терпел возражений по поводу его позиции в современном музыковедении с безраздельной апологией представителей московской школы знаменитых теоретиков С.Скребкова и В.Протопопова.

После окончания училища официальные контакты с Учителем были прерваны. В консерватории он тогда был почасовиком, спецкурс не входил в его нагрузку (а после того, как вошел, под его руководством были написаны 42 дипломные работы), и он настаивал, чтобы я избрала своей специальностью не теорию, а историю музыки. Таким образом, по его совету я поступила в класс Елены Степановны Дзидзадзе, благодарностью которой сохранила на всю жизнь.

Однако, Христофор Арамович оставался моим главным наставником в студенческие годы, и тогда, когда следуя распределению, я оказалась в Кутаиси, и переписка с ним стала величайшим утешением в моем горестном одиночестве. «Большое спасибо за добрые чувства, которые ты питаешь ко мне, - писал он в канун первого Нового года моей самостоятельной жизни, - могу ответить лишь взаимностью. Я верю в твоё хорошее и большое будущее. Будь только всегда целеустремленной, не отвлекайся от главной цели жизни: постоянного совершенствования и повседневного накопления знаний и опыта». Моя непомерная загруженность рабочими часами была предметом его постоянной тревоги и он всячески старался предотвратить опасность отклонения от предназначенного им пути. «Ты мне не говорила и не пишешь, избрала ли какую-нибудь тему для научной работы. Если сделала это, то хорошо, если нет, то не медли». Исходя из моей специализации по истории русской музыки, он советовал «держаться ориентацию на русскую советскую музыку», считая, что «с такой темой... легче будет добиться признания ... в Москве» (!!!), чего он, с его приверженностью московской музыковедческой школе, очень желал. Другую возможность Аракелов видел в служении армянской музыке. «Пойдешь ты по этому пути?», - спрашивал он в письме. В этом отношении Христофор Арамович был солидарен с профессором В.Г.Донадзе, зав. кафедрой истории музыки. Одновременно он был твердо убежден, что в спектре научных интересов музыковеда, проживающего в Грузии, обязательно должны быть вопросы грузинской культуры и огорчался, что не находит таковых. Понимая его правоту, после поступления в аспирантуру я решила взять темой для диссертации оперное творчество О.В.Тактакишвили, но Донадзе, отстаивая свое мнение, отказался ее утвердить.

Недовольство Христофора Арамовича вызывало и то, что моя дипломная работа, в которой он склонен был видеть «несомненные достоинства», оказалась заброшенной. «Почему не сделать из нее хотя бы статью для журнала «Советская музыка» или «Музыкальная жизнь?», - спрашивал он, не задумываясь над тем, какой извилистый и тернистый путь лежит перед начинающим автором к подобным публикациям.

С возмущением отнесся учитель к сообщению о моем назначении зав. теоретическим отделением в Кутаисском музучилище (по свойственной молодости самонадеянности я отнеслась к этому это совершенно спокойно). Сам Христофор Арамович, внедряя в бытность свою заведованием методические новшества,

не чуждался конфликтов, нередко высказывался резко, не думая о последствиях. Время ли изменило его взгляды или желание оградить начинающего специалиста от инцидентов, уберечь от недоброжелательности? Его рекомендации по-новому раскрывают этику руководителя и организатора – мудрого, гуманного и благожелательного, нацеливающего на дипломатический путь разрешения напряженных ситуаций.

«Помните, что каждый (каждая) из них, - пишет он, имея в виду моих коллег, - человек и имеет человеческую гордость. Эту гордость, это достоинство всегда нужно уважать даже в явном враге. Доброе слово лучшее оружие против строптивых. Уважайте труд других, не считаясь с недостатками, которые вы замечаете в их работе».

Я жила с мыслью, что по окончании консерватории мы станем коллегами по училищу, и в соответствующих инстанциях на это смотрели как на решенный вопрос. Но в решающий момент все изменилось. Мою неустроенность по работе учитель переживал как личное бедствие. По окончании пребывания в Кутаиси, когда я поступила в аспирантуру, Христофор Арамович обратился с письмом к композитору Р.И.Лагидзе, в то время заведующему музыкальным сектором в Пушкинском институте. Не использовав это письмо по назначению, я сохранила его как свидетельство редкой сердечности, участливого внимания в сочетании с вечным желанием придти на помощь – таким оставался Х.Аракелов до конца своих дней. «Я очень и очень прошу, - пишет он к адресату, обстоятельно представив профессиональные качества своей подопечной, - помогите ей, дайте хоть пару часов на Вашей кафедре, не пожалеете. Я ручаюсь за нее целиком и полностью. В надежде на Ваше доброе отношение ко мне пишу эти строки. Всегда к услугам Вашим – Христофор».

В декабре 1986 года в консерватории, где я уже несколько лет работала на кафедре эстетики и искусствоведения, проводилась научная сессия, посвященная 80-летию со дня рождения Д.Д.Шостаковича. Ее открыл доклад Х.Аракелова «Стилевые особенности фуг Шостаковича». Я выступила с сообщением «Шостакович о задачах современной музыки на страницах прессы». В нашем совместном участии Христофор Арамович видел нечто символическое, состоявшуюся после затянувшегося ожидания творческую встречу. Мое скромное выступление он слушал с нескрываемым волнением, и оценка, которую дал, была явно завышенной. «Я же предсказывал, - повторял он, - я это предсказал, когда тебе было всего пятнадцать лет».

В последние годы Христофор Арамович долго и тяжело болел, неоднократно лежал в стационарах, и ученики разных поколений уделяли ему посильное внимание. Весной 1993 года мы с сыном, студентом консерватории, навестили его в 1-й городской больнице. Узнав, что Алику предстоит сдать экзамен по анализу музыкальных произведений профессору Тбилисской, а в прошлом Московской консерватории Д.А.Арутюнову-Джинчарадзе, который был его любимым учеником, после операции прочел нам блестящую лекцию.

Смерть учителя была ударом для всех, кого он воспитал, и его прекрасный образ останется образ-

цом беззаветного служения идеалу.

Мария КИРАКОСОВА

Аракелов был замечательный педагог и ученый с широким профессиональным кругозором, неутомимым тружеником, постоянно находящемся в творческом поиске. Я глубоко благодарен Христофору Арамовичу за то, что он заложил во мне фундамент профессионализма и помог определиться с выбором

Д.Арутюнов-Джинчарадзе. 2010

Профессор И.Степанова. Мехико, 2010
профессии.

Девиль АРУТЮНОВ-ДЖИНЧАРАДЗЕ

Высокая культура и замечательные душевные качества Христофора Аракелова – воина, ученого-интернационалиста, посвятившего все свои знания, творческую энергию изучению грузинской музыки и русско-грузинских музыкальных связей, всегда побуждали меня быть на высоте, достойной моего учителя.

Гия КАНЧЕЛИ

При всей своей занятости, Х.А.Аракелов охотно откликался на просьбы о консультациях, с которыми я, будучи студентом или молодым педагогом, порой обращался к нему. Этот человек, у которого каждая минута была на счету, всегда находил время для того, чтобы помочь другим.

Нодар МАМИСАШВИЛИ

ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ ?

«Молчат гробницы, мумии и кости. Лишь слову жизнь дана! Из древней тьмы на мировом погосте звучат лишь письмена»... Есть в этих письменах, дошедших до наших дней, особый знак, который указывает на принадлежность и привязанность каждого из нас лично к незапамятным временам глубокой древности. Канули в небытие целые эпохи, народы и государства. Превращались в развалины дворцы и коллизеи, рушились пирамиды, но в памятниках народного творчества, в летописях и рукописных книгах сохранились и прошли через века

живые имена. Это тот самый отличительный знак, который дается нам в первые дни рождения и сопровождает всю жизнь. И не каждый, пожалуй, осознает, что имя его, фамилия – это часть истории народа. А между тем, в именах наших отражаются быт, мировоззрение, фантазия, художественное творчество народов, их исторические контакты. Личные имена имели все люди во все времена и во всех цивилизациях. «Сладостным даром» называет имя человека Гомер в бессмертных строках «Одиссеи»: «Между живущих людей безыменным никто не бывает / Все; в минуту рождения каждый, и низкий и знатный, / Имя свое от родителей в сладостный дар получает».

На заре русской истории, в дохристианскую эпоху, то есть почти до конца X века, в среде восточных славян использовались древнерусские личные имена.. Это были скорее имена-прозвища. Они отражали в себе,

Илья Глазунов. «Святая Русь»

как в зеркале, различные свойства и качества характера человека, особенности его поведения, его внешний вид, иногда даже физические недостатки или просто очередность появления ребенка в семье – Первой, Третьяк, Буян, Рябой, Ждан, Неждан, Молчан. Нередки были имена-сравнения с животными и растениями – Воробей, Волк, Бык, Дуб. Со временем древнерусские имена были запрещены церковью, но не исчезли, а «спрятались» в фамилии. Живут сегодня и здравствуют Третьяковы и Ждановы, Воробьевы и Молчановы, не подозревая, что корни имен их предков – в глубокой языческой древности. После крещения Руси в 988 году каждый славянин стал получать от священника крестильное имя. Крестильные имена соответствовали именам святых и были как правило обычными христианскими именами, которые пришли на Русь из Византии. Это лишь несколько видоизмененные греческие, латинские и некоторые

восточные, сирийские, египетские, библейские имена. Правда, древнерусские имена не сразу сдали свои позиции в народной жизни. Памятники письменности показывают, что вплоть до семнадцатого века у русских людей параллельно с христианскими именами, дававшимися церковью, оставались и древнерусские, так называемые мирские имена – «боярин Федор, зовомый Дорога», «князь Михайло, зовомый Святополк», «в крещении Иосиф, а мирьскы Остромир». Внутрисемейное имя ребенок получал только от родителей, и это единственный признак, по которому внутрисемейные имена отличались от прозвищ, которые обычно присваивались соседями. Конечно, не у всех детей было внутрисемейное имя в дополнение к официальному, крестильному, но если ребенок получал такое имя, то, как правило, оно употреблялось чаще крестильного, закрепляясь за человеком на всю жизнь. На всей территории Древней Руси

были широко распространены такие имена-обереги, как Злоба, Плакса, Некрас, Немир, Нелюб, Дур, Дурас, Чертан и т.д. Считалось, что нет лучшей защиты для ребенка от какой-либо беды, чем имя-оберег, охраняющее его. Так, имена Дур, Дурак, Дурас давались в уверенности, что это имя будет залогом того, что их малыш вырастет умным человеком, а то и просто уберезет его от глупых поступков: Некрас вырастет красивым, Нелюб, Немил будут любимы близкими, Чертан и Сатана будут защищены от нечистой силы.

К началу XVIII века уже господствуют канонические христианские имена, полностью вытеснившие имена-прозвища и частично языческие. Правильному именованию придавалось большое значение. Неправильное или в унижительной форме написание чьего-либо имени или прозвища могло считаться оскорблением, нанесением «бесчестия». Обидчик мог поплатиться за это и жизнью. В 1675 году специальным царским указом было разъяснено, что ошибка в правописании имен по незнанию «природы тех народов, в которых кто родился», не является преступлением, а потому «судов в том не давать и не разыскивать». Теперь уже при крещении младенцам в России давались обязательно только церковные имена. Их еще называли иногда календарными, поскольку они содержались в церковных календарях. Вот как, например, писал об этом «Санкт-Петербургский духовный вестник» в 1895 году: «Православные имена должны быть даваемы исключительно в честь святых православной церкви, и строго воспрещается давать имена римско-католические, протестантские и прочие». К сожалению, среди них немало было труднопроизносимых, режущих ухо и неблагозвучных для восприятия русским человеком имен.

Понятны мучения матушки героя гоголевской «Шинели»: «Родильнице представили на выбор любое из трех, какое она хочет выбрать: Моккия, Соссия или назвать ребенка во имя мученика Хоздазата. «Нет, - подумала покойница, - имена-то все такие». Чтобы угодить ей, развернули календарь в другом месте; вышли опять три имени: Трифилий, Дула и Варахасий. «Вот это наказание, - сказала старуха: какие все имена; я, право, никогда и не слышала таких. Пусть бы еще Варадат или Варух, а то Трифилий и Варахасий». Еще перевернули страницу - вышли Павсикахий и Вахтисий. «Ну, уж я вижу, - сказала старуха, - что, видно, его такая судьба. Уж если так, пусть лучше будет он называться, как и отец его. Отец был Акакий, так пусть и сын будет Акакий». Таким образом и произошел Акакий Акакиевич. Ребенка окрестили, причем он заплакал и сделал такую гримасу, как будто бы предчувствовал, что будет титулярный советник». Совсем не случайно рыдает только что получивший имя герой Гоголя. Он как бы заранее знает, что само имя теперь уже обрекло его на определенное место в обществе. И это на всю жизнь, и никуда от своей судьбы, закрепленной в имени, не сбежишь - будь ты хоть семи пядей во лбу, никогда не подняться тебе на ту ступень общественной лестницы, где обитают Владимиры, например, или Александры.

Дело в том, что в прежние времена в России личное имя нередко могло нести определенную социальную характеристику и употребляться в конкретной общественной среде. Например, в восемнадцатом веке в крестьянских семьях девочек часто называли Василиса, Фекла, Федосья, Мавра. В дворянских семьях такие имена считались грубыми, простонародными - здесь

бытовали такие женские имена, которые были почти неупотребительны у крестьянок: Екатерина, Александра, Ольга, Елизавета. В свое время имя пушкинской Татьяны Лариной резало слух читателя своей простонародностью. Об этом говорит и сам поэт: «И что ж? оно приятно, звучно; Но с ним, я знаю, неразлучно Воспоминанье старины Иль девичьей!..» Действительно, имя Татьяна сначала употреблялось преимущественно в дворянской среде. Но уже к концу XVIII - началу XIX века оно широко распространилось в купеческих и крестьянских семьях. А.С. Пушкин описал в «Евгении Онегине» Лариных как семью, которая придерживалась старых традиций («Они хранили в жизни мирной Привычки милой старины...») Поэтому-то родители героини романа даже в начале XIX века дали своей дочери имя Татьяна, которое в дворянских семьях встречалось все реже и реже.

История появления и распространения личных имен на Руси довольно любопытна. Не каждый сегодня знает, что, например, такое распространенное, привычное и ассоциирующееся, кажется, с самой Россией имя Иван пришло к славянам сравнительно поздно, лишь с принятием христианства. Заимствовано оно из греческого языка. Только там оно имело другой облик - Иоанн. В греческий же язык имя пришло из древнееврейского, где имело форму Иоханан.

Это имя представляло целую древнееврейскую фразу, которую можно перевести на русский язык как «Бог благоволит». С распространением христианства имя Иоханан (Иоанн) попало не только в русский, но и во многие другие языки мира. «Родственниками» русского имени Иван стали английское Джон, немецкое Иоханнес, Иоганн, французское Жан, итальянское Джованни, шведское Юхан, датское Йенс, испанское Хуан, арабское Юханна... На русской почве это имя, прижившись, послужило основой для целого ряда производных имен - Ваня, Ванюша, Ванятка. От него же образовались и русские отчества - Иванович, Ивановна, и русские фамилии - Иванов, Ивановский, Иванищев, Иванцов, Иваницкий...

Русские отчества начали употребляться довольно рано; первое упоминание об этом относится к 945 году. Отчества, образованные как от русских, так и от нерусских имен, встречались в древнейших русских письменных памятниках - Бурчевич, Берендеич (от тюркского родового имени Бурчи и от племенного названия берендеи). При многочисленных переписках населения требовалось записать всех «по именем с отцы и прозвищи». Однако до XIII века употреблялись отчества сравнительно редко. Форма мужского отчества в современном русском языке с окончанием на «-вич» восходит к отчествам древнерусских князей и знати Московской Руси; «подлые люди» не имели права пользоваться такими отчествами. Начиная с XV столетия, именование с «-вичем» считалось особой привилегией, такое право незнатным людям даровалось лично царем и за особые заслуги. Так, в 1610 году царь Василий Шуйский, в благодарность за содействие купцов Строгановых в присоединении Урала и Сибири к Московскому государству, повелел Максиму и Никите Строгановым, их потомкам и потомкам Семена (Иоанникиевича) Строганова писаться с «вичем» и даровал особое звание «именитых людей». В XVII столетии Строгановы были единственной купеческой фамилией, носившей это звание. Отчества «подлых», то есть незнатных людей, в России первоначально

чально образовывались как краткая форма притяжательного прилагательного от соответствующего имени, например: «Иван сын Петров» или, в более позднем варианте, «Иван Петров»; «Федор сын Лукин» – «Федор Лукин». Примечательно, что женское отчество образуется по типу отчества простолюдинов с добавлением к нему окончания «-на»: Борис – Борисов – Борисовна, Андрей – Андреев – Андреевна. Этим как бы подчеркивалось зависимое положение женщины в семье.

«Ярославна рано плачет в Путивле, на городской стене причитая...» В прекрасном поэтическом памятнике древнерусской литературы « Слово о полку Игореве » верную, любящую жену князя Игоря автор называет Ярославной. Но не многие из читателей поэмы знают, что Ярославна – это не имя княгини, как мы привыкли думать, а самое настоящее отчество. Женой князя Игоря была дочь галицкого князя Ярослава Осмомысла, которая носила имя Ефросинья. Поэтому полное имя ее – Ефросинья Ярославна. Называя свою героиню только по отчеству, автор поэмы словно бы подчеркивает свое уважение к ней. Отчество русско-го человека выражало почтение, форму вежливости и даже указывало на знатность происхождения или социальное положение в обществе. Имя-отчество возникло как знак уважения, почитания достойного, сначала по отношению к князьям (летописи XI века) — боярин князь Юрий Алексеевич Долгоруков, затем к именитым боярам, дворянам, а при Петре I и отличившимся купцам. В XIX веке представители высших слоев общества обзавелись формой на -вич. Отчество на «ев», «ов», «ин» – получали купцы, на «ец» – младший в семье. Наряду с этим встречаются записи: «Пушкарь Тимошка», «Кузьмин сын Стрелкин», «Посиделец Ивашка Григорьев», «гулящей Тимошка Иванов». Григорьев, Иванов – в ту пору еще не фамилии. Их иногда называют «полуотчествами», поскольку это не Григорьевич и не Иванович.

Исторически сложилось, что отчество разделилось как бы на несколько разрядов. Холопы вообще его не имели. Просто знатные люди получали полуотчество: Петр Осипов Васильев. Что же касается отчества на -ич, то оно стало как бы знаком того, что человек его носящий, принадлежит к сословной, аристократической верхушке. Таким образом -ич стал восприниматься как титул, как указывающие на родовитость слова «де» (во французском языке), «фон» (в немецком), «ван» (в голландском). В соответствии с таким положением -вичем можно было награждать, что и делали русские цари. В романе «Петр Первый» А.Н. Толстого есть эпизод, в котором рассказывается о разговоре Петра с архангельским купцом Иваном Жигулиным. Царь хочет, чтобы русские купцы сами на своих кораблях возили русские товары для продажи за границу. Иван Жигулин – человек осторожный, он колеблется. И тут Петр Первый, прекрасно понимающий, что убедить и поощрить купца можно только чем-то необыкновенным, принимает решение наградить купца отчеством: «Петр блестел на него глазами... – А сам поедешь с товаром?.. Молодец!.. Андрей Андреевич, пиши указ: Первому negociанту-навигатору... Как тебя, - Жигулин Иван, а по батюшке?.. Жигулин раскрыл рот, поднялся, глаза вылезли, борода задралась. – Так с отчеством будешь писать нас?.. Да за это – что хошь! И, как перед спасом, коему молился об удаче дел, повалился к царским ножкам...»

Начиная с правления Петра I – графа «отчество»

становится обязательной во всех документах. При Екатерине II употребление разных форм отчества было законодательно закреплено. В ее «Чиновной росписи», составленной в соответствии с петровской табелью о рангах, указывалось, что особ первых пяти классов следовало писать с отчеством на -вич, с шестого по восьмой – именовать полуотчествами, всех же остальных – только по именам. Однако, формы отчества на -ов/-ев в XIX веке употреблялись лишь в канцелярской речи, в официальных документах. В неофициальных же ситуациях, в быту, русские люди именовали друг друга по именам и отчествам в такой форме, которая привычна нам и теперь.

Еще три столетия тому назад каждый человек мог значиться в документах, где были указаны: крестильное имя; прозвище или профессия отца; собственное прозвище; место рождения; национальность; профессия или должность. Так и образовалось подавляющее большинство русских фамилий в России... Мы привыкли, что нынешние русские фамилии, как правило, оканчиваются на -ов/-ев или -ин. Но оказывается, до сих пор сохранились в неприкосновенности и те формы, образованные от имен и прозвищ, что были тысячу лет назад: Бегун, Варенье, Грань, Жаворонок, Неделя, Сластен, Хоть, Цаца, Чепура, Щегол, Ярь. Вот какой устойчивый наш язык!

В различных общественных слоях фамилии появились в разное время и довольно поздно. Как ни покажется странным, но даже царь Иван Васильевич Грозный фамилии как таковой не имел. Грозным царя Ивана IV современники называли за крутой и решительный характер, который имел черты необузданности и проявлялся во всем – начиная от политики и кончая личной жизнью. Прозвище Грозный несло яркую характеристику, но не было передано по наследству. Первыми в XIV–XV веках приобрели фамилии князья и бояре. Обычно они давались по названиям их вотчинных владений: Тверской, Звенигородский, Вяземский. Среди них немало фамилий иностранного, особенно восточного происхождения, поскольку многие дворяне прибывали на службу к царю из чужих земель. Небольшую группу составляли фамилии древних княжеских родов, происходивших от названий их княжений. До конца XIX века из числа таких родов, ведших свое происхождение от Рюрика, сохранилось пять: Мосальские, Елецкие, Звенигородские, Ростовские (последние обычно имели двойные фамилии) и Вяземские. В XVIII–XIX вв. стали появляться фамилии у служивых и торговых людей. Духовенство стало приобретать фамилии лишь с середины XVIII века, обычно образуемые от названий приходов (Преображенский, Никольский, Покровский и т. п.). В середине XIX века, особенно после отмены крепостного права в 1861 году, формируются фамилии крестьян (от фамилий помещиков, названий населенных пунктов, прозвищ, отчеств), а у некоторых они появились только в 30-е годы XX века.

Фамилия, имя, отчество. «Что в имени тебе моем?»... Три собственных слова, которые получаем мы в наследстве от родителей, от нашего рода. Это наследство выделяет неповторимость каждого из нас среди всех остальных и в то же время связывает нас всех крепкими корнями, уходящими глубоко в историю нашего народа, нашей родины, наших общих предков.

Виктория ПОПОВА

НЕВЗОРВАННЫЕ МОСТЫ

- Спасибо вам за книгу. Она из разряда нечастых литературных событий...

- Спасибо большое. Я могу немного похвастаться и передать мой вчерашний разговор с Нани Брегвадзе, которая мне сказала: «Ой, ну что это за книга...» Я сперва испугался – неужели не понравилось? И тут она добавила: «Я читаю ее второй раз. Интересно, все плачут? Я плачу». И она рассказала, что оказалась в гостях, где была Чукуртма Гудиашвили – дочь одной из моих героинь... Я не буду пересказывать вам всего, я просто стесняюсь. Но для меня очень ценно, что две великие женщины Грузии обсуждали мою книгу и сошлись в том, что она светлая и нужная. И я понимаю, что мой труд был не напрасен, что бессонные ночи не прошли без следа.

- В небольшом предисловии вы рассказываете о том, что своеобразное напутствие на написание книги получили от Католикоса-Патриарха всея Грузии Ильи II, с которым встретились спустя три месяца после августовской войны. Он обратился к вам со знаменательными словами: «Вы один из наших невзорванных мостов». Лучшего определения для этой книги и всего, что связывает Россию и Грузию в духовном смысле, и придумать нельзя. В трагическое, полное потрясений для наших стран время что такое, на ваш взгляд, «невзорванные мосты»?

- В первую очередь это здравый смысл. Все мы, в России и Грузии, смотрим телевизор и все мы выключаем его или уменьшаем звук, когда говорим друг другу то, что мы думаем. И в каждом доме – параллельно – звучат одинаковые речи, одинаковая оценка того, что происходит. Была в Древней Греции школа циников. Это не те, кто относится к жизни лицемерно и презрительно, а те, у кого трезвое отношение к действительности, кто, проща говоря, зимой надевает пальто, а летом шорты. Существуют какие-то очевидные вещи. Нет ни одной нации, которая бы вызывала такой резонанс у русских, как грузины. Я не знаю, с чем это связано... Наверное, это и большая история, и единая вера, и богатейшая культура Грузии... Конечно, все зависит от человека. Но все-таки, к кому-то ты расположен изначально, а в другом случае тебе нужно время, чтобы проверить и себя, и человека, который перед тобой. У русских в отношении к грузинам всегда была именно изначально искренняя теплота...

Игорь Оболенский (Изгаршев) – писатель, журналист, сценарист. Автор книги об Анне Павловой и сборника очерков о легендарных женщинах XX века: Марлен Дитрих, Грете Гарбо, Любви Орловой, Мэрилин Монро, Катрин Денев. Как журналист он встречался с легендарными деятелями мировой культуры – Александром Солженицыным, Мстиславом Ростроповичем, Софи Лорен, Майей Плисецкой, Пласидо Доминго... Совсем недавно вышла в свет его новая книга – «Судьба красоты. Истории грузинских жен». Автор рассказывает о судьбах пятидесяти женщин, каждая из которых сыграла особую, заметную роль в истории Грузии, мира и жизни своих великих мужей – о Родам Амэриджиби и Варваре Туркестанишвили, Нина Чавчавадзе и Мэри Шарвашидзе, Нино Рамишвили и Нино Гудиашвили... Это книга о жизни и судьбе, о победах и потерях, о любви и разочаровании, о приобретенном и невозвратимом утраченном...

Можно сердиться на соседа, брата или племянника. Но как можно сердиться просто на русских или грузин? Очень хорошо говорил Аристотель: «Гнев всегда имеет причину. Как правило, она ложная». Поэтому наш гнев, особенно такой абсурдный, когда он направлен на какую-то нацию, ложный и не имеет никакого подлинного основания. И это все рассеется, потому что ум обмануть можно, но душу все равно не обманешь.

- *Отношения наших стран насчитывают много веков. Закрывать на это глаза невозможно, отказаться немыслимо. А вам лично уже и просто нельзя, ваш маленький сын Тимур-Филипп наполовину грузин... Как вы считаете, что более действенно в нынешней ситуации – сохранять невзорванные мосты или строить новые?*

- У коммунистов была песня про то, что «разрушим до основания, а затем...» Конечно, надо сохранять то, что есть, и не отказываться от того, чтобы строить новое, достойное того богатства, красоты и искренности, которые были в прошлом. Тбилиси – один из самых красивых городов в мире. Вы знаете, я всю жизнь мечтал приехать в Грузию... Первый раз приехал сюда пять лет назад. Меня пригласила Софиико Чиаурели. Это была фантастика. Я влюбился в город сразу и навсегда.

- *Вы живете и в Москве, и в Париже. Вам легче сравнивать. Тбилиси – это и в самом деле «маленький Париж»?*

- Абсолютно! Я так счастлив, когда мои скептически настроенные тбилисские друзья начинают смотреть на свой город моими глазами и понимать, что это правда. Соллолаки, проспект Плеханова – красота непередаваемая, уникальная. Когда я хожу по старому Тбилиси, я представляю, как здесь было в те времена, о которых я писал, – великая опера, потрясающие театры, прекрасные духаны, кабачки... И я думаю, что здесь был не второй Париж, а первый, особенно с 19-го по 21-й годы прошлого века, когда в Тифлис ехали все, потому что верили, что все еще образуется... Какой здесь был расцвет! И мне больно от того, что рушатся старые дома, а им очень часто помогают рушиться, для того, чтобы построить страшные стеклянные бизнес-центры в уникальнейшем городе... Для меня это стало личной болью, как и то, что происходит в Москве, которую мы уже практически потеряли. Ведь на многих улицах Тбилиси дома такие, что хочется каждый дом или рисовать, или фотографировать. Но – падает штукатурка, осыпается краска... Есть совершенно удивительный дом перед Сухим мостом, где раньше находился отель «Лондон», там останавливался Кнут Гамсун. Я там часто бываю, и захожу в этот подъезд, просто чтобы постоять и подышать старым Тбилиси. Но мой сын, наверное, этого не застанет... Знаете, как в Лондоне относятся к старым домам? Достают кирпич, реставрируют, вставляют на место, и потом достают следующий. Видимо, такое бережное отношение оттого, что там нет такого богатства, какое есть у вас. Когда всего много, то и отношение соответствующее – подумаешь, два-три дома снесем, у нас же еще сто четыре останется. Если бы у меня была возможность, я с таким удовольствием занимался бы реставрацией Тбилиси...

- *Так вы этим уже и занимаетесь. Ваша книга – это тоже своего рода реставрация.*

- И я очень счастлив. Я привожу сюда всех своих друзей из Парижа, из Англии, Америки, Москвы, и все просто ходят с ума и мечтают оказаться здесь снова. Я влюблен в Тбилиси. Мне друзья говорят, что я уже настоящий тбилисец. И я с гордостью это подтверждаю. Есть такая рыба – орагули. «Ори гули» - «два сердца». Это про меня, я не разделяю первое и второе сердце, оба принадлежат одинаково двум странам – России и Грузии.

- *Вы просто заставляете нас заново полюбить родной город.*

- А так и бывает. Вы живете в этом городе, и смотрите в основном себе под ноги. А мы, туристы, хотя я уже не совсем турист, имеем роскошь посмотреть повыше и по сторонам. Это роскошь свободного времени, которая и дарит тебе город.

- *Книга «Судьба красоты» – это сериал. Каждая серия, каждая история – это основа для самостоятельного романа или фильма. И истории настолько замечательные, что они ценны сами по себе, и автора как будто и не видно. Но все-таки трижды вы сами себя охарактеризо-*

На презентации книги. Лаша Бакрадзе и Игорь Оболенский

вали. Первое – это замечательная преамбула, рассказ о вашей первой встрече с Католикосом-Патриархом. Второе – вы посвятили книгу супруге. Ну и третье – то, что она мастерски сделана. Исходя из этого, могу ли я прийти к выводу, что самые главные ценности для вас – это вера, семья и профессия?

- Конечно. Вы правы и очень тонко это заметили.

- *О вере не спрашиваю – это очень личное дело. А о семье, например, расскажете?*

- С удовольствием.

- *Имеет ли ваша супруга Софиико Чкония отношение к легендарному персонажу из вашей книги – Арчилу Чкония, мужу Елены Рубинштейн?*

- Какой-нибудь авантюрист, конечно, сразу же согласился бы на такое родство и сказал бы, что это его троюродный дедушка или пятиродный брат... Но в семейных преданиях историй, связанных с Арчилом Чкония, нет. А сама история фантастическая – в честь Чкония был создан первый в мире Дом мужской моды, интерьерами в котором занимался Хуан Миро, а в его близких друзьях были Сальвадор Дали и Грегори Пек. Эту историю, кстати, мне подсказала именно моя жена, ведь

она профессионально занимается модой, и для нее Елена Рубинштейн – не посторонний звук.

- *Значит, в вашей книге есть небольшое соавторство вашей супруги?*

- Колоссальное соавторство, что вы... Я вчера прочитал красивые слова Сартра: «Женщина – это приглашение к счастью». Моя жена пригласила меня к счастью во всех смыслах. Она вдохновила меня на эту книгу. Сам я никогда не думал, что буду писать историю грузинских жен. Для меня историческим примером грузинской жены, как, наверное, для большинства, была Нина Чавчавадзе. Я и не предполагал, что расскажу о пятидесяти разных судьбах. Я работал два года, просто занимался историями. Потом я понял, что у меня собрано огромное количество историй и фотографий, и только тогда подумал, что это и есть книга. Хотя, конечно, очень много материала, не менее увлекательного и невероятного, в книгу не вошло. Поэтому, я надеюсь, что будет и продолжение. А жанр книги я определяю как документальный роман – мной не придумано ни слова.

- *Пожалуй, это художественно-документальный роман, ведь эти истории сами по себе – готовые художественные произведения.*

- Это летопись в лицах. Можно не верить учебнику истории – один историк говорит одно, другой – другое. Но этой летописи не верить нельзя. Мой рассказ – это рассказ про людей, которые пережили все сами – Родам Амэриджиби, семья Какабадзе, семья Гудиашили... Какой бы завтра ни был новый учебник истории, как бы не пересмотрели какие-то события, эти люди своими жизнями показали – как это было. Толстой как-то спросил у Чехова: «Вы много читаете?» Чехову было неудобно говорить правду, но солгать он тоже не мог и ответил: «Мало». И Толстой сказал: «Правильно. Смотрите на жизнь – это самая лучшая книга». У меня несколько лет назад состоялась очень знаменательная для меня встреча с Александром Солженицыным. Я не могу сказать, что он мой учитель – это было бы слишком громко, но это человек, на которого я хотел бы быть похож. Мы говорили о многом, в том числе и о том, какой жанр будет востребован в будущем. И он сказал, что жанр XXI века – документально-биографический. Я это запомнил. И даже будучи журналистом, я писал именно в этом жанре. И писал о лучших людях, а лучшие люди – это женщины.

- *Это спорно.*

- Может быть, мне просто повезло. По крайней мере, пока я в этом не разубедился. Когда я руководил журналом...

- *«Суперзвезды»?*

- Да. Я всегда говорил журналистам – только чтобы не было красотой ради красотой... Одно из самых ярких впечатлений в моей жизни – это встреча с Софи Лорен. Вот это харизма... То, что она появилась в здании, мы почувствовали за несколько минут до того, как она вошла в комнату. Просто изменилась химическая формула воздуха, потому что приехала Софи Лорен. У нее не было ни одного банального, скучного ответа на наши вопросы.

- *А ведь ей, наверное, интервью так надоели...*

- Естественно. Хотя я и придумал какой-то оригинальный вопрос, которого ей еще не задавали. Она говорила очень интересно, настроена была доброжелательно, и интервью получилось. Самые великие собеседники были максимально просты. Мы беседовали с Майей Плисецкой, и вдруг она говорит, что очень хочет пить. А у меня на столе стояла бутылка воды. Было ужасно – Плисецкая хочет пить, есть вода, но нет стакана. И она это все, видимо, почувствовала и сказала: «Я очень люблю пить из горлышка...» И несуществующий лед сразу растаял, и состоялся замечательный разговор.

- *А свои интервью вы ведь тоже по-разному строи-*

ли? Иногда бывает, что в разговоре интервьюера и не видно, а герой раскрыт и искренен, а бывает, что нужно собеседника раскрывать, вопрос за вопросом... Вы в зависимости от собеседника строите разговор?

- Конечно! Вот, например, одним из самых сложных случаев для меня был разговор с Марией Владимировной Мироновой. Большая актриса, мать Андрея Миронова... Я с ней познакомился, когда мне было 18 лет. Повезло – по счастью, она жила недалеко от меня. А я всегда старался успеть записать людей, которым есть что рассказать. Это было одним из моих первых интервью. Я уже учился на журфаке, но ведь никогда нельзя научить трем вещам – писать стихи, сочинять музыку и брать интервью. Можно научить человека писать слово «машина» через «а», но написать «машина ехала» или «ехала машина» – это уже чувство стиля и вкуса. И вот я пришел к Мироновой, и боялся войти в легендарную квартиру, особенно поглядев на табличку на двери – огромная буква «М», от которой расходятся две фамилии – «Менакер-Миронова». У нее был врач, она с ним так разговаривала, что я оробел еще больше – если она так говорит с врачом, которого сама позвала, то как же она будет разговаривать со мной? Врач был очень благодарен, что получил возможность ретироваться. Она меня посадила, мы стали разговаривать. Я, юнец, сидел перед ней с записанными на бумажке вопросами, и был среди них глупый, примитивный вопрос, за который мне до сих пор стыдно – кто-то мне рассказал, что Миронова очень любит сало с чесноком, и я подумал, ох, я сейчас задам ей интересный вопрос – вы актриса, а актрисы должны быть в форме, а вы любите сало... Это сейчас я понимаю – я пришел к Марии Мироновой, какое сало? Мы говорили про Плятта, про Чехова... И в конце я все-таки задал ей этот проклятый вопрос... Она сидела в кресле, как царица. С сеточкой на волосах. Очень величественная женщина. Она не сказала мне ничего. Она на меня просто посмотрела. Потом спокойно ответила, что да, она любит сало, но ей его нельзя, она болеет и так далее... Но этого взгляда мне не забыть никогда. И мне его хватило, чтобы понять, интервью – это гораздо больше, чем заранее записанные вопросы. Но справедливости ради скажу – когда я уходил, она сказала, что завтра она занята, а послезавтра поговорит со мной еще.

- *Значит, контакт состоялся.*

- Да, состоялся. И мы беседовали с ней еще несколько раз.

- *Вы меня простите, а бывали ну если не провалы, но неудавшиеся беседы?*

- Конечно.

- *А кто был самым сложным собеседником?*

- Ой... Наверное, были такие...

- *Раз не можете вспомнить, значит, такого и не было...*

- А может, и не было. Встречались неинтересные собеседники. Я не буду говорить, кто именно. А бывало, что некоторые интервью просто меняли мое мировоззрение. Например, я в неизменно восторге от семьи Михалковых. И Никита, и Андрей – разные, но настолько интересные и глубокие личности. Разговор с ними – всегда праздник. Я старался встречаться с людьми, за которыми стоит большая история. У меня была фантастическая встреча в Америке. Я пошел в русский храм, который находится на территории толстовского фонда – фонда, который организовала для эмигрантов дочь Толстого. И в храме ко мне обратилась какая-то старушка с просьбой поставить свечку. Так получилось, что мы вышли из храма с ней вместе и я ее проводил до коттеджа. А мои знакомые после этого меня спрашивают: «Ну что, вы познакомились с баронессой?» – «С какой?» – «С Врангель». Это была дочь барона Врангеля. А для меня Врангель – это что-то далекое, если не

как Македонский, то как Наполеон. Я понял, что должен с ней встретиться. Сейчас я себя ругаю. Потому что мы с ней говорили про отца, про историю белого движения, про Марию Федоровну Романову... И я очень жалею, что почти не расспросил о ее собственной судьбе...

- В общем, у вас все складывалось по известному тезису – случайностей не бывает, любое стечение обстоятельств всегда к нужному моменту.

- Однажды я спросил у Сергея Михалкова: «Вы верите в судьбу или в бога?», а он говорит: «А почему вы говорите «или»? Судьба означает суд бога». Поэтому, конечно, никаких случайностей никогда нет. А меня судьба вела, вела и привела к «Судьбе красоты».

- Вы, конечно, заметили, что Грузия если и не патриархальная страна, то страна традиций. Какие из грузинских традиций вам наиболее близки, интересны?

- Мне кажется, что нет ни одной страны, в которой не было бы традиции уважать свою семью, но поклонение семье, почитание родителей, которое есть в Грузии, - это потрясающе. И еще – ни в одной стране я не видел такого патриотизма, как в Грузии. Это удивительный патриотизм!

- А что вы называете патриотизмом?

- Осознание себя частью страны и осознание страны частью себя, когда тебя происходящее в стране беспокоит так же сильно, как если бы происходило в твоём собственном доме. Что отличает Америку, и европейские страны, и в России, к сожалению, часто бывает? Там считают – то, что происходит в стране, меня не касается, у меня есть квартира, я купил себе в «Икеа» шкаф, недорогой стол, продукты в метро, и у меня все хорошо. А здесь, если нехорошо в стране, то и тебе нехорошо, несмотря ни на шкаф, ни на стол... Меня это просто потрясает. Это традиция, которая началась не сейчас. Она была всегда. История семьи Дадиани-Масхарашвили, про которую я написал и снял документальный фильм, – это история людей, которые заплатили жизнью за то, чтобы находиться в своей стране, и были счастливы, что умирали именно на родине. И дочь Дадиани мне говорит: «Я так счастлива, что папу расстреляли в Грузии и что его укрыла не сибирская земля, а грузинская... Я страшные вещи говорю, но это так». Это фантастично, нет, это не то слово... Это прекрасно.

- А какие-нибудь традиции других стран произвели на вас такое же впечатление?

- Мне во Франции нравится обычай, когда по большим праздникам собирается вся семья. Люди долго не видятся – от праздника до праздника, успевают соскучиться и столько тем для разговора, столько желаний, которыми хочется поделиться с близким человеком. А когда вы находитесь в контакте каждый день, то возникает желание немножко отдохнуть... Вот вы сказали про мои ценности – вера, семья, профессия, и видите, все, о чем я говорю, на что обращаю внимание, все связано с семьей. Это действительно самое дорогое. И понимаешь, что счастье возможно лишь тогда, когда здоровы и счастливы твои близкие. Видимо, у меня это идет с детства – поклонение высшим семейным ценностям в огромной семье. Когда вся наша семья собиралась у бабушки с дедушкой, мы садились за очень-очень большой стол, подобного которому я больше никогда нигде не видел. И я думал, что так и должно быть, и удивлялся, когда приходил к друзьям, а там все помещались за маленьким столиком на кухне... В детстве многое кажется само собой разумеющимся, а приходит время, и осознанно понимаешь, что семья – это то, ради чего стоит просыпаться утром и стоит жить.

- А когда много народу в семье, любовь рассеивается или концентрируется?

- Все семьи разные. Но любовь не рассеивается – она либо есть, либо нет. Мне дороги взаимоотношения в моей грузинской семье – какое уважение, какая

любовь у моей жены и ее брата к своим родителям. Это бесценно. Это пример. И это первый этап воспитания, что очень важно. Есть такая поговорка – ребенка надо воспитывать, когда он поперек кровати лежит, когда ляжет вдоволь, будет поздно. Все проблемы и беды, которые бывают в семье, возникают вследствие того, что не было сделано родителями в то время, когда ребенок был маленьким. Я очень горжусь знакомством с хореографом Игорем Моисеевым. Я с ним познакомился, когда мне было 20 лет, мне было с ним безумно интересно. А он очень увлекался китайской философией, и у него было любимое изречение: «Если вы не положите в карман яблоко, вы никогда его оттуда не достанете». То есть надо потрудиться. Моему сыну сейчас год и семь месяцев. Он радостно реагирует на классическую музыку,

Савелий Сорин. Портрет Элисо Дадиани

его интересуют книги. Значит, это надо развивать, этим надо заниматься, хотя это труд, серьезная работа, самая сложная, но и самая благодарная. Можно, конечно, махнуть рукой на все и включить ребенку телевизор... Я на все сейчас смотрю через призму воспитания детей, меня это очень интересует. Когда в последний раз я был у Католикоса-Патриарха всей Грузии, то, конечно, не выдержал и спросил его о том, как надо воспитывать ребенка, ведь не хочется вырастить его ни наивным идеалистом, ни циником... Святейший сказал, что самое важное – это с детства показать ребенку, что красиво, а что некрасиво.

- Включая для своего малыша хорошую музыку, вы уже объясняете ему, что значит красиво.

- И книгу я писал в первую очередь для своего ребенка, чтобы он, когда вырастет, понимал, что такое его родина... Я надеюсь, что книгу переведут на грузинский язык. Мне очень хочется, чтобы это прочитала молодежь – не потому, что это моя книга, а потому, что она показывает, какая же великая страна Грузия, какие здесь жили и живут великие люди, которые изменили мир.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

КОРИФЕЮ ТАНЦА ПОСВЯЩАЕТСЯ

Нынешний 2010 год объявлен ЮНЕСКО Годом Вахтанга Чабукиани. Эта весть всколыхнула весь балетный мир Тбилиси. Легендарный танцовщик и хореограф родился в 1910 году и было ясно, что к его 100-летнему юбилею надо серьезно готовиться и достойно встретить. Известный балетовед, доктор искусствоведения Лейла (Лариса) Надарейшвили, на протяжении многих лет занимается исследованием грузинского балета. Одной из первых она включилась в юбилейные мероприятия и представила театральной общественности свой фундаментальный труд «Грузинский балет», посвященный Вахтангу Чабукиани. Презентация книги состоялась в «Магги-клубе» известной компании сотовой связи Грузии, благодаря которой Надарейшвили смогла осуществить публикацию своей книги, в которой описана 158-летняя история грузинского балетного театра, история его становления и развития.

Это неординарное событие собрало представителей творческой интеллигенции – музыковедов, театроведов, композиторов, художников, историков, работников театра Палиашвили, журналистов, благодаря которым получило широкое освещение на телевидении, радио и в прессе.

В своем кратком выступлении Л. Надарейшвили отметила, что книга была написана к юбилейной дате,

а также попросила присутствующих высказать свои впечатления о тех прекрасных мгновениях, которые дарил им легендарный танцовщик и артист Вахтанг Чабукиани, выступая на сцене театра Палиашвили. Желающих высказаться оказалось много. Звучащая при этом балетная музыка Андрея Баланчивадзе, Давида Торадзе, Алекси Мачавариани, Вахтанга Кахидзе и других композиторов создавала элегическую атмосферу. Уловив ее, известный историк-музыковед, профессор Гулбат Торадзе закончил свои воспоминания фразой: «Друзья, вам не кажется, что мы уже начали празднование юбилея Чабукиани? Вот и шампанское на столах перед нами?!»

Первым к микрофону вышел доктор искусствоведения, академик Академии наук образования и просвещения, лауреат премии им. Котэ Марджанишвили, профессор Университета театра и кино имени Шота Руставели Мераб Гегия. Он, в частности, сказал: «Надарейшвили относится к той категории историков-исследователей, которые опираются на собственные представления о том, как развивалась история грузинского балета, какие явления в ней стали этапными и чем обусловлены особенности каждого этапа – героико-романтического, авангардного и неоклассического».

На его взгляд, одной из лучших страниц книги являются описания постановочного метода Вахтанга Чабукиани, синтезирующего балетные и фольклорные «па» в балетах «Сердце гор», «Синатле» и «Горда», что позволило ему создать оригинальный балетный язык, отмеченный национальным своеобразием. Мераб Гегия сравнил автора книги с балериной 30-40-х годов Лили Гварамадзе, которая в своих научных трудах тоже использовала обширные знания по теории и практике танцевального искусства – балетного и фольклорного.

Эту тему развила в своем выступлении доктор философии, профессор Тбилисской консерватории Ирина Джорджадзе. Она подчеркнула знание Надарейшвили музыкальной литературы, позволившей балерине создать систему записи балетного текста на основе музыкального. Так, на одной из международных конференций, проходившей в Тбилиси, профессор Московской консерватории Вячеслав Медушевский оценил созданную Надарейшвили систему как своего рода открытие.

Ознакомившись с книгой, композитор Феликс Глonti оценил ее труд как высокохудожественное произведение, большой вклад в грузинскую культуру и лучшую монографию о Вахтанге Чабукиани, с которым он имел счастье сотрудничать при осуществлении постановки балета «Рассвет» на свою музыку на сцене театра Палиашвили.

Доктор исторических наук Бакур Бакрадзе подчеркнул обстоятельно описанные Надарейшвили в книге новаторские постановочные методы Вахтанга Чабукиани, создавшего истинно национальный, самобытный балетный театр и пожелал продолжить эту тенденцию в балете XXI века.

Не менее интересными оказались пожелания, высказанные академиком Рисмагом Гордезиани, который порекомендовал автору продолжить свой труд и создать полнометражный видеофильм о грузинском балете.

Хатуна ЧИЧИНАДЗЕ

Airzena

fly with us with **E**lectronic **TICKETS** now!

www.airzena.com

Armavia

Արմավիա

WWW.ARMAVIA.COM